

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

КАТЕГОРИИ БЫТИЯ

Оглавление

Часть 1. Незнание.....	7
Глава 1. Прошлое.....	7
Глава 2. Тайна.....	9
Глава 3. Мысль.....	11
Глава 4. Непреодолимость.....	14
Глава 5. Подключение.....	16
Часть 2. Знамение.....	27
Глава 1. Откровение.....	27
Глава 2. Начало.....	29
Глава 3. Выбор.....	31
Глава 4. Согласие, страдание, наказание.....	33
Глава 5. Искупление.....	34
Глава 6. Противоречия.....	35
Глава 7. Сомнение.....	37
Глава 8. Изменения.....	38
Глава 9. Пожелания.....	38
Глава 10. Забота.....	39
Часть 3. Действительность.....	40
Глава 1. Простота.....	40
Глава 2. Душевность.....	41
Глава 3. Тревога.....	42
Глава 4. Непредсказуемость.....	43
Глава 5. Мечта.....	46
Глава 6. Почитание.....	49
Глава 7. Уныние.....	49
Глава 8. Утверждение.....	51
Глава 10. Надежность.....	51
Глава 11. Неуверенность.....	52
Часть 4. Априорность.....	55
Глава 1. Мнительность.....	55
Глава 2. Судьба.....	57
Глава 3. Желание.....	60
Глава 4. Надежда.....	61
Глава 5. Сладострастие.....	63
Глава 6. Неподвластность.....	65
Глава 7. Будущность.....	66
Глава 8. Массовость.....	66
Глава 9. Фееричность.....	67
Глава 10. Анонимность.....	67
Глава 11. Внутренний мир.....	69
Часть 5. Гармония.....	70
Глава 1. Уверенность.....	70
Глава 2. Мистика.....	72
Глава 3. Равновесие.....	73
Глава 4. Совершенство.....	74
Глава 5. Повиновение.....	75
Глава 6. Многомерность (полифоничность).....	76
Глава 7. Решение.....	76

Глава 8. Выверенность	77
Глава 9. Самооценка	77
Часть 6. Величие	78
Глава 1. Данность.....	78
Глава 2. Эпохальность.....	79
Глава 3. Соответствие.....	79
Глава 4. Категоричность.....	80
Глава 5. Рвение.....	80
Глава 6. Гибель.....	81
Глава 7. Рождение.....	82
Глава 8. Значимость и знамение.....	82
Глава 9. Поэтичность.....	83
Глава 10. Эпохальность.....	84
Часть 7. Свершение.....	84
Глава 1. Регулярность.....	84
Глава 2. Неестественность	85
Глава 3. Конгруэнтность (множественность).....	85
Глава 4. Полярность.....	85
Глава 5. Разум.....	86
Глава 6. Идеал	87
Глава 7. Вершина	87
Глава 8. Непоколебимость	88
Глава 9. Момент	88
Глава 10. Суета.....	89
Глава 11. Загадка.....	89
Глава 12. Потребление	90
Глава 13. Экономичность.....	90
Глава 14. Способность.....	90
Часть 8. Чувство.....	90
Глава 1. Удивление	91
Глава 2. Неверие.....	91
Глава 3. Возможность.....	92
Глава 4. Пространство	92
Глава 5. Время.....	93
Глава 6. Корреляция	93
Глава 7. Индивидуальность	93
Глава 8. Противопоставление.....	94
Глава 9. Естественность	94
Глава 10. Решимость.....	95
Глава 11. Визуальность	95
Глава 12. Коварство	95

© 2015 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

С.А.

Зелинский

Категории бытия

Altaspera

CANADA

2015

С. А. Зелинский
Категории бытия.

С. А. Зелинский.
Категории бытия. — CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc,
2015. — 127 с.

ISBN 9781329150829

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY AGENCY

© Зелинский С. А., 2015

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть
воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

КАТЕГОРИИ БЫТИЯ

Часть 1. Неизведанность.

Глава 1. Прошлое

«В процессе человеческого развития должна была существовать возможность пойти по ложной дороге, по-своему оценить себя и свое положение в мире».

А.Мень

Я наверное буду прав, если скажу, что существует определенная категория людей, для которых главной в этой жизни почти исключительно подчинение их прошлому. Прошлое всегда манило не только своей неизведанностью, но и даже в большей мере – стремлением найти то нечто, в разгадке которого скрывается тайна будущего. Будущего индивида в целом, и цивилизации в частности.

Почему выходит так? Ведь это по-настоящему более чем великая загадка, значение которой столь велико и таинственно, как и весь наш путь. Путь человека, который может быть у всех различным. Но даже несмотря на это, он все равно подчинен какой-то единой тайне, найти ответ на которую призваны различные научные дисциплины, и в большей мере, конечно же, история. Хотя примерно тем же занимается и философия. Ибо в сопоставлении различных (уже открывшихся разуму и сознанию) деталей Бытия – порой скрывается и вообще предназначение человека. Ибо зачастую именно сопоставление множественных известных фактов позволяет найти то нечто, чему каждый будет рад и благодарен. Даже если в большинстве случаев он не может это грамотно сформулировать. Да и что наше слово. Вначале было слово, и слово вмещало в себя весь мир; благодаря слову – один человек смог объяснить другому, что скрывается за тайной рождения вселенной. И весь мир затаив дыхание слушал эти слова. Стремясь в интерпретации значения его найти ответы на те многочисленные вопросы, которые периодически он задает себе. Самому себе. Ибо в постижении себя как раз и скрывается все, что нужно или возможно знать человеку. И это по-настоящему прекрасно и уникально. И не существует больше ничего, что могло бы сравниться с постижением человеческого пути. И тогда уже именно путем интроспекции мы можем объяснить

поведение других. Ибо психика индивидов практически одинакова. Расхождение наблюдается лишь в мельчайших деталях, которые зачастую совсем ничтожны. Но даже если и случится так, то мы и на это можем найти какое-нибудь обоснование сего факта; и тогда уже вполне не только допускаем наличие этих (зачастую так и остающихся незначительными) расхождений, но и придумываем то, что называется психологическими типами. Причем то, что единения в этих вопросах не может быть, доказывает почти равное существование различных теорий объяснения типологии личности, а многочисленные психологи уже собирают славу на ниве этого. И тогда уже тот же швейцарский философ-аналитик Карл Густав Юнг мог вполне уже быть известным только на основании разработанного им определения типов (интроверт, экстраверт и проч.)

Но мы сейчас не об этом. Хотя в какой-то мере прошлое включает в себя то, что как и происходило в прошлом, так и то, что обнимает собой весь опыт предыдущих поколений, то, что Юнг назвал нуминозным опытом или коллективным бессознательным, а Фрейд – филогенетическими схемами. Ибо мы можем заключить, что сейчас перед нами – в нашем бессознательном – заключена тайна вселенной. Мысли и деяния людей, существующих до нас. И тогда уже мы сами как бы включаемся в этот бесконечный процесс материализации мыслей, потому как последующие поколения непременно будут пользоваться духовными богатствами, накопленными поколениями предыдущими. И мысли, которые будут рождаться у индивидов будущего – будут неким чудодейственным образом базироваться на той многовековой основе, что уже использовалось поколениями прошлого.

Потому так и уникально наше прошлое. Потому так и заманчива разгадка его. Ибо природа, по всей видимости, все же предрасположена к цикличности. И так же, как одно сменяет другое, так же и повторяет одна эпоха – другую. Или как сказано: ничто не вечно под солнцем. Потому как не только не вечно, но и не ново.

Прошлое... Прошлое по своему уникально. Фрейд говорил, что если бы он не был тем, кем был, то с удовольствием стал бы археологом. В копании в прошлом – лежит путь в будущее. Он простирается невидимой на обывательский взгляд дорогой. И идя по этой дороге, можно довольно смело переходить из прошлого в будущее и наоборот, меняя направление, и сбивая с толку неудачливых последователей, не всем из которых подчинена истина. Хотя я могу допустить, что они по-настоящему проникнуты стремлением к ней.

И все же прошлое манит своей неизведанностью. И каким-то полумагическим убеждением, что наряду с разгадкой тайн человечества, приоткрывается и тайна каждого из нас. Потому как я могу допустить, что уже не может быть никак иначе.

Глава 2. Тайна

«Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей». К.Маркс.

1

Я могу сказать, что существует определенная категория людей, которые столь уверенно стоят на материалистических позициях, что почти не воспринимают иное положение вещей, как только лишь объяснение их с позиций какой-то «железной» логики.

Однако и тут уже кроется ошибка, ибо случается так, что не все можно объяснить с позиции логики, кроме как намеренно закрывая глаза на некоторое искажение действительности. И уже выходит так, что те, кто идет по этому пути, через какое-то время начинают противоречить сами себе. Стараясь, впрочем, не замечать, что в их утверждения закралась ошибка. Потому как стоит пошатнуться их какой-то вере, и почти весь мир (в их нелепой интерпретации) летит прахом. А вся их еще до недавности выстроенная система, есть путь в никуда. И они это понимают более чем кто-либо.

И тогда я могу уже сказать, что это не есть истина. Потому как любое искажение действительности уже не есть «путь», а заблуждения, кои множатся, накапливаясь со временем. Пока что-то не доходит до конечного отрицания; что почти означает – начало. Или конец. Но чаще всего начало. Потому как жаждущий ум ищет правды. И эта правда в конце концов должна открыться. В зависимости, конечно, от ряда концептуальных положений, которым должны следовать подобные индивиды. И тогда уже это пока еще не загадка. Ибо, что может быть загадочней объяснения тайной сущности индивида. Когда перед ним приоткрывается нечто, что ранее было не изучено, неразгаданно, а зачастую непонятно. Ведь на самом деле «много званых, но мало избранных». И случается так, что не все может быть понято с первого, второго... десятого раза. И на человека должно снизойти откровение Божие (просветление духа, если хотите), чтобы он действительно способен был что-либо понять. А тем более – объяснить. (Ибо не все, что понятно – объяснимо). И здесь мы уже находимся на грани некоего потустороннего понимания действительности. Когда ничто не способно существовать в одномерном изображении. А стоит понимать мир, как состоящий из ряда сменяемых друг друга закономерностей. Тогда как верно и то, что ничто не может быть объяснимо с первого раза. И потребуются немало душевных терзаний и маленьких восторгов, дабы начать понимать мир. А значит и видеть его хотя бы в нескольких плоскостях, как это способны были видеть некоторые великие писатели, изобразившие на своих художественных полотнах бурю человеческих страстей, постоянно циклирующих между сознанием и подсознанием. А мы уже вслед Набокову, Кафке, Воннегуту, Андрею Белому и некоторым другим способны наблюдать за похожими (на наше собственное) измерения, а лучше сказать игре сознания с подсознанием. Но я уже могу заметить, что и наша способность замечать подобное,

возможно с помощью подключения к тем тайнам и богатствам, которые были накоплены прошедшими тысячелетиями, и, главное, индивидами, нечто похожее уже сделавшими до нас.

И тогда так уж получается, что наша задача состоит в том, чтобы умело подключиться к этому вселенскому разуму. Чтобы слиться в едином потоке космического разума, которое вполне можно называть и божественным, ибо за многовековую историю существования религий, мы неким таинственным образом способны наблюдать коррелят невиданной по размерам энергии. И уже с помощью приобщения к этому богатству, снисходит и на нас откровение, а значит и некий чудодейственный пропуск в царствие божие. Ну а вообще для тех, кто боится понимать это так, то это вполне можно назвать и какими-то иными словами. Ибо сама правда от этого нисколько не меняется. А суть остается верной. И мы уже должны знать, что подключение к религиозному богатству есть великая, спускавшаяся на нас правда. И это действительно один из путей найти истину. У которой только пути к ней могут быть различны, тогда как сама она есть нечто незыблемое, и по-настоящему истинное.

2

Две тысячи лет существования христианства означают, что на протяжении двадцати веков (а это более чем огромный срок) человечество накапливало истину, сосредоточенную в едином неизмерном пространстве, подключение к которому возможно путем нахождения в едином сосредоточении его. И тогда уже я могу заключить, что, например, посещая храм божий (хотя на самом деле Бог должен быть в каждом из нас), мы как бы самым чудодейственным образом подключаемся к этому единому разуму. Который на самом деле способен творить самые настоящие чудеса. Ибо не иначе как чудесами (в нашем мирском понимании) объясняются великие таинства, к приобщению к которым на каком-то этапе своей жизни приходит каждый из нас.

Некоторые из нас, правда, вольны это не замечать. И здесь на самом деле кроется одна из загадок, потому как если человек не замечает что-то, то это еще не означает, что этого нет. Вполне возможно, что он просто не хочет этого видеть. А это уже суть совсем разные вещи. И исходят они как раз из специфики устройства нашей психики, когда человеческое сознание бывает противится проникновению в него чего-то по истине воспринимаемого ей как болезненное (для нее); а на самом деле это одна из загадок, ибо включается в этом случае сопротивление, и нечто, что скрывается в нашем бессознательном (как бы изначально подключенном к единому разуму), до определенных пределов не может быть проникнуто в сознание. А значит понимается индивидом лишь неосознанно (бессознательно).

Но это, конечно же, еще почти совсем ничего не значит. Потому как какой-либо предмет существует независимо от того, что мы о нем думаем. И, конечно же, если исключить веру в некие магические заклинания (специфика существования которых в значительной мере объясняется

внушением), то можно предположить, что большинство из того чего нет – мы не будем видеть. (Также как наоборот).

И по всей видимости это столь любопытная тема, что нам на ней стоит остановиться. Ибо вопрос анализа действительности зачастую в большинстве своем состоит из нашего «прочувствования момента». То есть другими словами от того, что скрывается в нашем бессознательном. Причем, в большей даже мере не то, что скрывается, а то, что выходит на первый план. То, что так сказать, уже стоит на пороге восприятия его сознанием. Ибо, конечно же, уже от сознания непосредственно зависит результат какой-либо оценочной деятельности. А само понимание – исходит от того, какой дало ответ сознание. И тогда уже вновь перед нами наблюдается некое противопоставление сознания – бессознательное. Причем, если вспомнить еще об одной составляющей трехмерной структуры психики предложенной в свое время Фрейдом, то тогда уже именно от Сверх-Я (Альтер-Эго) будет зависеть большинство из того, что совершает или не совершает индивид.

Сверх-Я – это совесть. Эта та цензурная инстанция, которая стоит на пути между сознанием и бессознательным, и которая контролирует (своей критичностью) сохранение и неизбежность существования их, и, главным образом, подчинение вполне запрограммированным установкам.

Я могу сказать, что ничто неподвластно уничтожить Сверх-Я. И человек вынужден мириться с существованием его, фактически подстраиваясь под, быть может, даже и чуждый мир. И навязываемую систему ценностей. Потому что в нашем бессознательном до сих пор превалирует архаичный человек. И именно по законам архаики (если бы была на то возможность) современный человек и сейчас бы строил свою жизнь. Ибо к легкому удовлетворению своих первичных инстинктов на самом деле лежит у него душа. И он вынужден был отказаться от этого посредством развития цивилизации (и общей цивилизованности, разумеется). И уже потому я могу заметить, что именно это в какой-то мере возвеличивает значение Сверх-Я в структуре психики, привнося в понимание человеческой психики новое видение, и, главное, увеличивает ее роль – до понимания и объяснения тех же его поведенческих мотивов и рождение – мысле-образов.

Глава 3. Мысль

1

Так получается, что мы мало, весьма мало знаем о собственной мысли. Иной раз она может представляться нам чем-то неопознано-увлекательным. Но уже в другой раз, именно материалистическое видение ее придает нам те силы, которых нам не доставало. И все же, бесспорно, мысль – есть самое не только малоизученное (хотя изучали-то ее как раз достаточно), а

скорее малопонимаемое явление, в происхождении которой до сих пор перед нами все та же тайна, как и была перед исследователями-философами прошлых поколений. И так уж получается, что мысль вполне можно возвеличивать. А можно и принижать значение ее. Мыслью можно молиться, понимать божественное предназначение и постигать откровение через открывшуюся тайну; но точно также мыслью можно убить, ранить, превратить в ничтожество, и возвеличить на небывалую высоту.

И все от того, как (и кто!) воздействует на подсознание или сознание индивида. С какими другими мыслями эта мысль вступает там в единение. Что образуется в результате этого.

Но и тогда я уже могу сказать, что мысль человеческая самое прекрасное явление, какое вообще может быть. Но иной раз это явление точно также и ужасно. Ибо получается так, что навязчивое появление в нашем сознании некоторых особо пагубных для психики мыслеобразов способно превратить жизнь индивида в самое настоящее мучение. И избавиться от этого хоть и возможно, но иной раз оказывается не в силах. И тогда такой несчастный способен избрать любой способ для избавления от нее, вплоть до того, чтобы наложить на себя руки. Но эту крайнюю форму мы позволим себе не рассматривать сейчас, а обратимся к неким иным способам, возникающим на пути такого индивида.

Конечно же, здесь можно предложить как минимум два кардинальных пути. Это или совсем отказаться от мысли (каких-либо размышлений), или – что представляется для нас более предпочтительным – попробовать вытеснить мысль какими-нибудь другими мыслями, имеющими уже изначально положительный окрас. Но это будет недолговечно. Все равно недолговечно. И на каком-то этапе злые (демонические) силы все равно возобладают. Тогда как мне кажется, намного предпочтительнее будет попробовать родить какой-то новый, изначально, виток силы, животворящей энергии, который мы можем найти, например, в знаниях. Тех знаниях, к которым все время планомерно стремимся самостоятельно. И каковые, бесспорно, позволят забрать на себя хотя бы часть негативной энергии, для того только, чтобы подменить основу каких-либо собственных размышлений, ну и главным образом придать нашей мысли совсем иную оболочку, которая поможет выжить.

А это уже многого стоит.

И тогда уже я могу заметить, что в мысли и не будет чего-то такого уж загадочного. Потому что многое уже как бы объясняется само собой. А сведение объяснения к ранее сверхъестественному почти означает не больше чем тривиальное неумение интерпретировать вполне распространенные факты, к объяснению которых как раз подбирались просто-напросто не с той стороны.

Что есть знания? Знания не только обогащают мысль, но и являются причиной рождения тех мыслеобразов, которые в последующем приводят к осуществлению некоего рода поведенческих

мотивов; в интерпретации которых уже лежит понимание индивида как личности. Как личности зависящей не только от сознания (и главным образом – воздействию на него), а благодаря нахождению неких взаимодополняемых величин, тайну которых нам и представляется возможным открыть, потому как – уже тайна эта – простирается в границах неизведанности. Ну а не то ли что до сих пор еще неизведанно – прельщает особо пытливые умы человечества? И ведь это действительно так, потому как в разгадке (разгаданности) ее скрывается тайна. А тайна, собственно говоря, это и есть то, что рождается в большинстве своем нашей мыслью. Так же как и мысль, собственно говоря, повинна в том что существует та или иная тайна.

2

Происхождение мысли наверняка большей частью бессознательно. Именно в бессознательном, в самых глубинах нашей психики рождается то нечто, что в последствии движет нами, индивидами, и от чего, иной раз, совсем не бывает спасения.

Мысль может и убить и возвеличить. Мыслью можно вызвать проклятие рода. И внушение тоже, так или иначе, возможно именно благодаря мысли. А значит вполне возможно и верить для кого-то в это проклятие. Тогда как точно также можно верить в Бога (как в некое духовное начало), а можно вообще ни во что не верить. Причем и вера и безверие берет начало в нашей мысли, а затем, обогащаемое разумом (интеллектуальным богатством), приводит к достижению тех или иных результатов.

Мысль, как мы уже заметили, базируется в бессознательном. Там она даже скорей всего зарождается. Обогащается чем-то таинственным и до конца неизученным, что скрывается там. И уже можно сказать, что в формировании бессознательного участвуют как филогенетические механизмы, так и непосредственный опыт индивида в течение одной конкретной жизни. И тогда уже чем разнообразней будет этот опыт, тем больше информации поступит, так сказать, на передний план бессознательного. Тогда как то, что накоплено предыдущими поколениями – это будет скрываться чуть глубже. Но непременно при непосредственном выходе наружу (т.е. проникновении в сознание) перед нами будет удивительный симбиоз этих двух начал. Причем наверняка в иных случаях второе (филогенетические схемы) может отодвинуть первое (непосредственный опыт в течение жизни). «Последние – будут первыми». Но иногда случается так, что вступает в действие и совсем невидимая сила. И в том, что это происходит так, хоть и есть некое объяснение, но по-настоящему то, что скрывается в бессознательном до сих пор еще неподвластно нам. Также как и не можем мы объяснить, почему у одного индивида рождаются одни мысли, а у другого – другие.

Хотя в большей части ситуация прогнозируемая. И тогда уже зависит то, что проникает в наше сознание, от наполняемости бессознательного. А оно в большей мере заполняется тем, что

было увидено, услышано, прочувствованно индивидом за последний промежуток времени. И особенно той информацией, которая «поступила» накануне, а то и – «только что». Именно она обогащается неким производным интеллектуальной деятельности и той информацией, что до того уже хранилась в бессознательном. В результате чего образуется некий конечный продукт, значение которого порой трудно оценить (столь важен он оказывается для нас).

Можно ли в какой-то мере направлять деятельность возникновения новых мыслей? В какой-то мере да. Если вы в течение дня (а то и нескольких дней) будете смотреть порнографические фильмы, то вероятность рождения у вас схожих мыслей будет практически бесспорной. В тоже время, если вы будете погружены в сугубо философское творчество, то вероятно, что и ваши мысли будут структурированы неким похожим образом. Да и вообще – мы то, что читаем, что едим, что слушаем, на что смотрим. Рождение наших мыслей находится в прямой взаимосвязи как раз с этими ключевыми моментами.

Глава 4. Непреодолимость

Неподвластное единство мыслей часто оказывает решающее значение в формировании поступков того или иного индивида. В большинстве случаев это, конечно же, оказывается необъяснимым нашему пониманию фактом. Тогда как то, что мы думаем – за этим в большей мере скрывается даже какая-то загадка, чем простираются какие-либо реальные ответы. Потому самих ответов не видно. Они находятся за гранью нашего понимания. Ибо какое-либо понимание напрямую и связано и зависит от сознания. А разгадка чего-то подобного большей частью находится в ведении бессознательного.

И тогда уже бессознательное вполне может представлять перед нами как нечто по-настоящему страшное. Ибо до конца неизведанно, что скрывается в нем. Но то, что известно наверняка (помимо всего вышперечисленного), так это то, что там таятся и некие т.н. первичные желания, которые к нам дошли исключительно с архаичных времен. Именно в контроле этих первичных позывов (убить, съесть, изнасиловать) отличие между культурным, цивилизованным человеком, и варваром.

И тогда уже я могу заключить, что насколько больше получается у нас скрыть, вытеснить из сознания, не допустить в первую очередь в проникновение в сознание этих устремлений – тем более каждый из нас является цивилизованным человеком. И только если в результате каких-либо причин вверх над сознанием одерживает подсознание – тогда индивид уже не подвластен контролировать свои желания, и начинается то, что мы имеем во время войны (когда побеждающая сторона насилует любой противоположный пол, не считаясь с возрастом). Да и у многих из нас

период хаоса и вседозволенности служит высвобождение того черного бессознательного, которое почти целиком состоит из природных инстинктов, и первейшая задача в этом случае заключается в удовлетворении их (вспомним сцену описанную в «Парфюмере» Зюскинда, когда народ получив индульгенцию на похоть – предавался различным извращениям, в чем на самом деле и нет ничего необычного, ибо подобное живет в каждом из нас, но мы вынуждены это постоянно вытеснять из сознания).

Желание предаваться тому что «велит» природа (инстинктам) на самом деле сильнейшее желание. Гармония с природой здесь на самом деле вступает в противодействие с культурным наследием. Различные табу – это ничто иное, как достижение цивилизованности индивидов, причем даже в первобытнообщинном строе. Даже там отдельные «продвинутые» индивиды (вожди племени, шаманы) понимали, что если не будет никакой силы, сдерживающей прорывающиеся из подсознания индивидов желания – то это приведет в конечном итоге к вымиранию данного сообщества. А потому и появлялись у них тотемы и табу. Тотемы это то, что ближе всего к пониманию Бога. Ибо сначала дикари выбирали тотем (например, какое-либо животное, которое наделялось сверхъестественной силой), а потом (или одновременно) вводились табу (системы запретов на совершение определенных действий). На тотем они «молились». Табу – следовали. И с неким развитием цивилизации, вероятней всего, как отмечает А.Мень, из поклонения тотему, а значит и идолам – народ пришел к пониманию Бога. Ибо трудно не согласиться с тем, что понимание Бога, введение в данном случае этого понятия (причем, вероятно, именно монотеизм) – есть результат сложения и приумножения культурного наследия, т.е. результат действия цивилизации. Вполне разумно, что человечество в последующих поколениях пользовалось плодами и достижениями поколений прошлого. Это как строительство дома, когда на один кирпичик ложится другой, и в результате они множатся, и образуется единая стена, возвышающаяся над бездуховностью и безверием.

Трудно конечно утверждать, почему так получается, что различные народы верят каждый в своего Бога. Но ведь существуют и различные языки, и различные культуры. И если отличаются таким образом люди, то почему не должно различаться мнение их?

Но интересно на самом деле даже не это. А дело все в том, что за длительное существование религии (тому же христианству – две тысячи лет) мы имеем сейчас перед собой удивительную способность подключения к великому космическому разуму (который можно именовать Богом), проявляющемуся в большей степени в местах сосредоточения поборников христианства (в России – православие), т.е. в тех же самых церквях. И я уже могу сказать, что с чудодейственной силой молитв таким образом соглашается и ряд крупнейших ученых, изначально как будто стоящих на несколько иных позициях (например, академик Н.П.Бехтерева). Ибо получается так, что это можно объяснить с различных позиций (тем же внушением, например), но было бы глупо не соглашаться с

тем, что это не только существует, но и действует. А если так, то разве можно что-либо противопоставить по-настоящему верующим людям, ибо то, что они приписывают влиянию Бога – на наш взгляд вполне может быть так. Ну а на самом деле, автомобиль вы может назвать любым именем, но непременно будет являться, что он способен вас доставить из точки «А» в точку «Б». И тогда уже главным будет это. А название? Да почему, в конце концов, не считать, что это есть Бог? Изменится ли что-нибудь от этого? Сам эффект-то «подключения» работает! И это важно.

Глава 5. Подключение

1

Мы подошли сейчас к чему-то несравненно главному, важному, и многое объясняющему. Потому как случается так, что большинство из индивидов являются свидетелями неких чудодейственных механизмов, случавшихся с ними.

И тогда уже я могу заметить, что возможность осуществления их возможно посредством приобщения (подключения) к некоему вселенскому разуму, наименование которому может быть или нечто неопределенное (вполне по желанию каждого), но можно также понимать это и под божественными силами, или попросту Богом.

Действительно, почему нет? Ведь само слово «Бог» - это есть некое обозначение индивидами того, чему они не могли найти определения, и что назвали именно так. И только потом, когда с момента появления самого слова прошло достаточно времени (в данном случае перед нами многовековая история подобного названия), оно приобрело для каждого из нас уже то значение, которое вкладываем мы в это слово поныне. Я даже могу сказать, что поклонение древних народов чему-то сверхъестественному и никак не объяснимому, замеченному исследователями, заставшими некоторые племена Австралии живущих похожим строем, есть ни что иное как влияние на них Бога, а само то, чему они поклонялись – ведь тоже могло бы называться Богом, если бы они знали (и употребляли) это слово.

И это действительно так. И так уже получается, что ни две тысячи лет назад (когда произошло зарождение христианства), и ни пяти веков (когда создавался Ветхий Завет), а 20-30-50 веков (столько, сколько вероятно существует наша цивилизация, т.е. с момента появления первых людей и объединения их) существует, накапливается, и неким образом трансформируется учение о Боге. И тогда уже подключаемся мы поистине к многовековой истории человечества. И уже таким образом питаемся силой, заготовленной для нас. И насколько я могу судить, это действительно великая сила. Ибо позволяет она преодолевать значительные трудности человечеству; и он помимо каких-то материалистических свершений – наделяется и духовным началом, являющимся,

бесспорно, эволюционным прорывом человечества; и залогом того, что каждая последующая цивилизация будет сменять предыдущую. И иного, как говориться, не дано. Ибо иное даже и невозможно думать. Ибо любое иное утверждение хоть и может быть высказано, но будет не иначе как носить бездоказательный, аксиомный (аксиома – теорема без доказательства) характер. Ну а мы в данном случае следуем лишь логическим умозаключениям, да анализом хода истории. Истории человечества.

2

Затронутая нами тема на самом деле очень увлекательна, и что еще вернее – невероятно значимая для индивида. Ведь мы таким образом способны объяснить в т.ч. и существование нашей жизни. Вернее, - то, что в этой жизни происходит. Потому что случается так, что зачастую нам и не надо чему-то учиться специально. Это уже есть в нас. В нашем бессознательном. Достаточно просто знать механизмы подключения к этому. И это в иных случаях, конечно же, намного сложнее, чем просто даже сформировать свое желание (что тоже является очень важным).

В нашем бессознательном без малого скрывается весь путь, пройденный человечеством. То, что накоплено было интеллектом предшествующих поколений – все до единого сохраняется в глубинах психики каждого из нас. Вопрос только – как это извлечь наружу. И вот уже тут, одним из способов подобного и может быть подключение к некоему источнику, который таит и сохраняет в себе многовековую мудрость. И в этом случае, конечно же, и сама жизнь для индивида будет значительно легче. И что самое главное, проблемы, мучившие его, - уже не будут казаться такими невыполнимыми. Ибо разрешать их не будет (как прежде) он один, а вместе с ним будут и те, кто наверняка уже раньше сталкивался с этим. А значит разрешение этих самых проблем покажется нашему индивиду намного легче, чем, быть может, было это раньше.

Что же это такое за подключение? В чем состоит специфика его? Действительно ли настолько оно значимо, и сила его столь велика, что любая загадка способна будет разрешиться?

Ну, скажу я сразу, что, быть может, и не любая загадка. И вполне возможен какой-либо сбой; но если и произойдет он, то основным виновником будет лишь недостаточное время, потраченное на ту или иную проблему. В остальном же случае (а если приложить должное усилие – то и эту) любую проблему можно решить. Хотя это, бесспорно, и не будет так-то уж слишком просто.

Ну а с самого начала необходимо, конечно, сформулировать проблему. Необходимо наметить параллели существования ее. Необходимо выявить некоторые закономерности, которые наверняка все равно присутствуют. Необходимо... Много чего необходимо даже для начала. И прежде всего, важно найти – уже для разрешения проблемы – тот источник, к которому, в конце концов, мы и будем подключаться. Это может быть какой-либо информационный канал (например, блок новостей, который смотрит большое количество людей), или художественный фильм, который

уже или сам по себе имеет свою историю (на протяжении которой его посмотрело достаточное количество людей). Или же ваш просмотр приурочен к точке сосредоточения мыслей других людей, посредством единовременного просмотра (что возможно, например, при помощи телевидения: один какой-нибудь раскрученный сериал смотрит многомиллионная аудитория). А значит возможность подключения к коллективному бессознательному (к единому разуму) возрастает пропорционально предварительной рекламе, подобранным актерам, имени режиссера, и выбору канала телетрансляции. Если это канал федеральный, массовый, и время подобрано такое, когда большинство индивидов включает свои телеприемники – то вот вам чистой воды и подключение. Потому что в одну и ту же минуту – в одну и ту же точку уставятся миллионы телезрителей; мысли у большинства из них работают в одном направлении (изначально убираем минимальную часть, которая просмотр телепередачи использует для решения своих каких-нибудь задач путем использования данного времени на осмысливание или попутным выполнением житейских проблем – постирать, убрать, приготовить, проч.), а значит очень большая вероятность, что именно в какой-то момент после начала просмотра вы подключитесь к коллективному разуму.

Загадка? Так на загадке как раз многое и существует. Позволяет не растеряться в некое до пространственное «до», чтобы вовремя, как говорится, «подключиться» к нему.

Да и заслужил ли индивид, чтобы его вообще окончательно оставлять без поддержки?

Но есть ли тогда уже наша поддержка – как некая помощь, без которой быть может он вообще не обойдется? Потому что случается так, что возможность любого «подключения» - это есть и некое чудодейственное слово, которое как бы уже говорит само за себя. И являет собой несравненно больше, чем, быть может, даже и подумать можно первоначально.

И уже в связи с этим я могу говорить, что нечто похожее мы являемся свидетелями наблюдать, когда посредством нахождения в каком-нибудь месте сосредоточения значительного количества народа, ощущаем как бы на себе чудодейственную силу, которая проникает сквозь наше сознание (вот она – многомерность изображения), как бы обволакивает его, позволяя испытывать необъяснимое и мало испытываемое ранее блаженство.

Это действительно не всякому дано ощутить в другой ситуации. Даже можно сказать, что и невозможно испытать никак иначе. И только таким образом возможно это. Причем «работает» это практически всегда - независимо от конфессиональных принадлежностей индивида. Я могу сказать, что какое-либо упоминание религии здесь вообще чуть ли не индифферентно происходящему. Потому как почти с равным успехом можно сказать, что подобное наблюдаемому нами есть влияние неких божественных сил (и Бога в т.ч. если мы принимаем монотеистическую теорию), и точно также – в равной, полноценной теории перед нами и действие каких-то иных, неведомых доселе нашему сознанию сил. Но уже верно, что то, что неизведанно и сверхъестественно, может называться совсем даже по-разному, не меняя при этом какой-либо своей сути. И опять же я могу

сказать, что это все может быть и Бог, и тогда уже хоть понимание этого Бога в некоторой мере отличается от навязываемого нам некоторыми ортодоксальными религиозными течениями, но в той же мере это есть именно то, о чем упоминаем мы. Хоть оно и расходится с мнением о Боге тех же православных христиан, монополизирующих в нужную им сторону веру о Боге.

Часть 6. Вера

1

Хочется заметить, что вера в той или иной степени присутствует в каждом из нас. Просто не каждому удастся в равной мере сформулировать внутри себя собственные же убеждения. И если мы изначально как бы оставим в стороне приверженцев каких-либо конфессий (соотнося их с ортодоксальными верующими), и ни будем брать тех, кто не может сформулировать в себе даже наипростейшие мысли о самом себе (таковые нам неинтересны вследствие их изначального нежелания заниматься любыми вопросами, где необходимо приложение мысли), то тогда уже перед нами останется некая категория людей, людей ищущих, жаждущих, и стремящихся найти ответы на задаваемые в бесконечном порядке самим себе вопросы.

Эта категория людей вообще по большому счету уникальна. Я могу сказать, что теологически подкованная часть публики даже не столь желанна для Бога, как те, которые пребывают почти одновременно и в вере, и в неверии. Именно на них, на мой взгляд, следует обратить внимание различным богословам, потому как если вы приобщите к вере толпу безбожников, которым все равно что: верить, или не верить. И в любой момент так же как духовный отец их Иуда они способны будут предать. Нежели вы сумеете обратить в следование нужной вам теории как раз тех, кто и сам мог бы при должном усердии убедить кого угодно в следовании нужным канонам и правилам. И тогда уже действительно получается так, что один мыслящий индивид стоит множества неопределившихся в своей сущности болванов, которые мало кому интересны; да и мы если упоминаем о них, то только лишь для того, чтобы показать что существует и подобная категория людей. И не больше.

Вера (любая вера) по-своему уникальное явление. Потому что она позволяет индивиду возвыситься над тем, что ранее его окружало. И если не привести в царствие Божие (для этого все же следует иметь нечто большее, чем просто уверенность в существование Бога), то, по крайней мере, даст индивиду то направление пути, в следовании которому перед ним может открыться многое из того, до чего раньше он и не мог как вроде бы даже подумать. А на самом деле, чтобы начать любое движение необходимо иметь чистым свой разум. Разум, сознание, незамутненное наличием многочисленных нелепых побуждений и ложных неуверенностей, которые никогда ни к

чему хорошему не приводили, да и даже способны только погубить индивида. И это по-настоящему ужасно. Ибо выходит так, что он вроде как на многое способен, ко многому готов. К еще большему – предрасположен. Но мысли его завлекает всякая зараза. Которая столь настойчиво вмешивается в его сознание, что он через время уже и не может ни о чем думать, кроме как об этом. И это есть почти самое ужасное, что может приключиться с индивидом. Потому что возможно в этом случае и крушение каких-либо надежд его. И возникновение явлений и вовсе как вроде бы необычных и малоизученных, суть которых – тревожность, душевные травмы, да и вообще вся та симптоматика психотических заболеваний, от которой иной раз и не бывает никакого спасения, и которая делает жизнь индивида невыносимой.

И мы даже не берем во внимание сейчас эту крайнюю сущность, потому что это действительно ужасно. Но уже даже если и может быть какое-либо спасение, то не иначе как в вере. Ибо вера – есть внушение. Внушение столь сильное, что неподвластно ему какое-либо разубеждение. И вера эта в большинстве случаев подкрепляется как раз многовековой историей предмета веры. И если уместно в нашем случае говорить о православном христианстве (рассматривая, например, в качестве одной из вер), то мы здесь можем говорить, что человечество имеет возможность приобщаться к неведомой силе. И выходит так, что путем присвокупления своего разума (всех тех начал, что скрываются в нем) к единой монотеистической религии, мы таким образом можем являться свидетелями снисхождения на индивида множественных душевных откровений, способных помочь ему выдержать натиск этого мира; и всех тех злых сил, которые демонической природой своего возникновения способны обратить в бегство не один легион сторонников, которых оно способно обратить в самых рьяных последователей.

Но любая вера как раз гибнет от своих последователей. Ибо каждый человек неосознанно подстраивает религию под что-то понятное ему. Под ту интеллектуальную базу, которой наделен он. Под тот разум, которым обладает. И ничего не может быть губительнее для веры в этом случае. И потому единственным выходом будет отбросить следование догматическим убеждениям навязываемы другими индивидами; и почти полнейшим погружением вглубь себя.

Это в свое время помогло Иисусу из Назарета постигнуть царствие божие и свою божественную природу; это в свое время помогло Моисею, помогло Магомеду, поможет почти любому, кто способен разговаривать сам с собой, услышать себя. Поможет и вам, если сумеете вы отбросить всякую тревожность и ненужное волнение. Да и какое-либо волнение возможно лишь в большей части от незнания. Не знания того, что мучает тебя сейчас. И разрешается это самое волнение весьма просто, как только индивид начинает (способен) уже даже сформулировать (правильно сформулировать) нечто мучившее его. И тогда уже нет перед ним каких-либо преград. А преграды, существовавшие доселе, кажутся столь незначительными, что он легко способен преодолеть их. И в этом уже заключается путь его к исцелению. Ибо уже любое исцеление

становится возможным благодаря вере. Вере, а значит и внушению. Внушению в первую очередь самому себе. Внушению своей психике. Которая тотчас же претерпевает всякие искажения. Насколько, конечно, вообще ей еще возможно измениться.

Но получается уже так, что вера индивида базируется иной раз на ряде убеждений, совсем даже и не понимаемых им. Тогда как (уже в поддержку ему) я могу заключить, что иной раз и оказывается совсем необязательным точно знать во что ты веришь, или тем более уметь как-то отстаивать свою веру.

Потому как несравненно важно для самого индивида уже сама вера. Ибо она вызывает в его душе то состояние возвышенности, которое помогает преодолевать ему многое. В том числе и упоминаемые нами трудности. Которые, конечно же, есть ничто иное, как искушения, ставшие на пути индивида. И преодолевая их, индивид тем самым избавляется от них же. А значит, душа его приобретает ту чистоту, которая вызывает положительные помыслы, а мысли в свою очередь, приобретают так необходимую им направленность.

2

Но вот случается так, что не всегда возможно убедиться с первого раза: насколько сильна в том или ином индивиде вера. Потому что как вера это столь глубокое понятие, что и невозможно в иных случаях до этой самой глубины добраться. А трактовать как-то поверхностно – не хочется.

Но уже я могу заметить, что понимание веры или безверия зиждется на базовом представлении индивидом самого себя как нечто, что находится в цепи мироздания, и которому необходимо обретение духовности (и в большей степени как раз – прочувствования ее) для возможности отождествления себя с этой самой частью вселенной. И уже здесь получается, что определенная часть из нас как бы самостоятельно стремится обрести веру; и все исключительно для своего же блага. Ибо не может душа вечно жить в метаниях и тревогах. Мысль, конечно, работает. И одна мысль, наталкиваясь на другую – приводит к появлению некоего цепного ряда, которые мы неким косвенным путем можем отнести к мирозданию, миропониманию. И тогда уже, дабы успокоить эту мысль как раз и требуется обретение индивидом веры. Потому как тогда (в этом случае) успокоится его дух. А значит вслед и этому придет столь долгожданное спокойствие. А если ничто уже не отвлекает наши мысли, то разве уже это не есть счастье.

Быть может, самое настоящее счастье. Хотя уже здесь я могу заметить, что получается: счастье – счастьем – рознь. Потому как с одной стороны счастье и просто может быть как бы само по себе. Но это столь временно, что нам опять же, будет более интересно счастье, которое базируется на внутренней удовлетворенности и успокоенности индивида. Ведь если ему ничто не мешает, ничто не отвлекает его мысли (вот что надо больше всего беречь – наши мысли! Дабы никакая пакость не вторгалась в них), то уже вроде как появляется у него возможность больше

погрузиться в собственный мир. Что – по крайней мере для меня – есть самое непеременимое богатство и радость. Ничто не может быть долгожданнее этого, потому как зачастую именно в нашем внутреннем мире, в глубинах нашей психики, способны черпать мы невероятнейшее духовное богатство. Подключаясь к архаичному бессознательному человечества. Наталкиваясь на которое, наш ум (интеллект) получает ту пищу, которой никогда раньше и не было у него. И это ли не блаженство?

Вообще я могу заметить, что желанны уже любые знания. Знания – есть наша власть над миром. Способность интерпретации явлений, происходящих вокруг нас. Способность понимать свое прошлое. А от этого уже и будущее. Способность достигать неведомых высот, возвышаясь таким образом над вселенной. Хотя сам индивид, бесспорно, это часть вселенной. Но уже только вовремя, правильно и грамотно подключившись к единому разуму, он способен пользоваться всем тем громадным филогенетическим наследием, что открывается перед ним. И это по-настоящему уникально.

Часть 7. Наследие

Ничто не может удержаться от предупреждения, что то, что остается после нас, есть нечто лучшее, чем мы имеем сейчас. Потому что, опять же, здесь случается тоже самое, что и подключение к коллективному бессознательному. Если исходить из того, что эволюционные процессы накапливают в каждом последующем поколении информации несравненно больше, чем в предыдущем, то вполне объяснимо, что тем, кто живет после нас, предоставляется и большая возможность, чем она была у нас. Но уже здесь должно быть и некоторое необходимое дополнение. Потому как вряд ли кого-то, жившего сто, двести... тысячу лет назад стоит изначально ставить на чуть низшую ступень, в сравнении с человеком современным и тем более индивидом будущего (будущего у большинства, быть может, вообще нет). Считать так, по меньшей мере, нелепо.

И тогда уже я могу сказать, что по-настоящему какая-то тайна способна открыться только в том случае, если индивид уже находится по своему развитию на определенной ступени. И почти достиг (а может и достиг) он уже внутренней гармонии. И остается еще что-то совсем небольшое, что и сможет возвысить его. Подвести к совершению ряда методологических и обязательных положений, выполнение которых зачастую больше действительно обязательно, чем необходимо. Но уже как бы то ни было, я могу заметить, что иной раз просто необходимо совершение определенных ритуальных действий, потому что никак не освобождается разум от внутренних противоречий, кроме как длительным выполнением какой-либо многотонной работы. Повторение одного и того же словно бы забирает на себя сомнения, рассеивая их и высвобождая от них разум.

И ничто не способно противиться этой силе; и тогда мы уже можем назвать ее действительно великой. Но и посредством этого же, опять же, могло происходить и приобщение к Богу. Механическое выполнение монотонной работы вообще суть восточных религиозных систем. И буддизм и его последующее разветвление дзен-буддизм основан на вере. И я могу уже сказать, что индивиду несравненно важно обретение внутренней гармонии. Обретение какой-то силы, внутреннее присутствие которой он будет ощущать в себе. И она будет его незримо подпитывать. Незримо – потому что нет этому какого-то материального объяснения. Так же как и невозможно это понять, только как погрузившись вглубь себя, абстрагируясь от окружающего мира. От всего того хаоса, который приносит собой мир вокруг.

Я могу сказать, что для индивида, который пожелал достигнуть высшей точки в своем развитии, просто обязательно саморазвитие. Ибо саморазвитие есть высшая ступень постижения Бытия. И поначалу он просто обязан пройти все другие ступени (в число коих входят и обязательное базовое образование в виде нескольких школ – начальной, средней, высшей...). Это как бы поможет обрести индивиду систематические знания. Наметит его путь. Ибо потом ему уже просто обязательно (на каком-то этапе собственной жизни) предстоит начинать погружаться исключительно вглубь себя. И ничто не должно отвратить его от совершения этого. Потому как, зачастую только в таком случае откроются перед ним надлежащие знания (высшие знания). И наступит успокоение и внутреннее блаженство. Исчезнет тревожность. Удалятся сомнения. Наступит столь долгожданная гармония. И если уже произойдет так, то я могу сказать, что по-настоящему повезло такому индивиду. Потому что на самом деле мало кому это в полной мере удастся. И часто до конца своей жизни человек находится еще в каких-то метаниях и внутренних противоречиях. Но вот когда обретает он настоящее успокоение, то ничтожными кажутся ему все недавние попытки решить какие-то мелкие проблемы, возвысившись над глупостью; потому что не к этому надо стремиться. А надо умело переступить через какое-либо проявление глупости и скудоумия (а им в большинстве своем представлен наш мир), дабы идти к намеченной, пусть даже большей частью и неосознанно намеченной, цели. Цели высшего развития. Цели на пути к высшему развитию.

Солженицын в свое время презрительно отзывался о самообразованщине. Я могу сказать, что самообразование это то основное, что может приблизить индивида к постижению своего пути, но... но вот именно только после получения основного базового высшего образования. Потому что в ином случае мысли его будут разбегаться; а знания, вместо обширности и всеохватываемости, будут заикливаться на узконаправленном изучении чего-то одного; да еще так, что все другое будет как бы обрывочно и нелепо. И в итоге мы уже получим некое смехотворное создание, которое пытается о чем-то судить, само при этом имея искаженное представление о предмете. При этом то, что такой человек заблуждается, сам он, наверное, и не представляет. Но вряд ли уместно

указывать ему на какие-то его ошибки. Потому что главное – жаждущий ум. И я могу сказать, что пройдет совсем незначительное время, и у такого индивида наступит некое изменение в мыслях. А сам он сможет исправить те ошибки, которые и заметит, и быть может даже внутренне содрогнется от них.

И тогда я уже могу сказать, что эти самые ошибки (свершения их) будет и необходимо. Потому что для Бога важен один неверующий, изменивший свои убеждения, чем десять праведников. Ибо часто так случается, что люди просто говорят: верую, сами в большинстве случаев и не ведая в чем должна заключаться их вера. А наш индивид тем и значителен, что своим разумом пришел к пониманию веры. И потому я немного не согласен с великим Кьеркегором, полагавшим что к вере невозможно прийти посредством разума. И даже если предположить что в большинстве случаев быть может и действительно это весьма затруднительно, но путь самого Кьеркегора есть ничто иное, как попытка именно благодаря разуму постигнуть тайну бытия и собственного предназначения. Попытка, вероятно, все же удавшаяся. (Несмотря на малый срок жизни, отведенный философу).

Хотелось бы заметить, что выходит так, что для достижения истины совсем необязательно привязывание этой истины к какому-то конкретному обозначению, будь то вера в Бога, или вера во вселенский разум. Вернее, я о том, что в данном случае не столь важны слова, как само внутреннее убеждение в приобщении к этому. Убеждение, пусть и невыраженное логосом. Потому как случается так, что есть нечто, что как бы живет внутри каждого из нас. Но невозможно прийти к пониманию этого словами. Не всегда возможно прийти к пониманию этого. Не всегда. Да и надо ли стремиться? Ведь наверняка должна остаться некая тайна, которую будем ощущать мы. И которая, быть может, никогда и не найдет воплощения в каких-либо словах. Она будет возвышаться над нами. И в этом великая тайна. К приобщению к которой мы, в общем-то, и стремимся.

Часть 8. Понимание

1

Случается так, что понимание подразделяется на осознанное (то, что пропускает сознание) и бессознательное (значительно объемнее того что включает в себя сознание). И если то, что находится в сознании более-менее понятно и объяснимо, то тайна бессознательного привлекает нас по своим неизведанным объемам. И ничто не может сравниться с ним. Так же как ничто и не способно быть прогнозируемо им. Это поистине то, причина уже самой тайны которого скрывается в недрах бессознательного. И от того, что может быть извлекаемо на поверхность... вот это то как

раз и некая загадка. Потому что, получается, в том, что что-то появляется в сознании, зависит, конечно же, содержание нашего бессознательного.

Мы помним, что любая информация из внешнего мира не проходит мимо, а целиком попадает в бессознательное. Передний план бессознательного индивида (так сказать, верхний пласт) занимает, вероятно, то, что посредством некоторой незначительной трансформации будет извлечено наружу. И здесь уже очень важно обратить внимание на насыщение информацией собственного бессознательного. То есть, конечно же, оно насыщается в любом случае. Но для нас будет важным – чем заполняется оно. Ибо ведь не вся информация (и, конечно же, не целиком) попадает в сознание. А и действительно имеет место некая трансформация. В результате которой информация поступающая извне – обогащается информацией, которую уже прежде заключало бессознательное; далее, вероятно, стоит говорить о некой доле интеллекта, влияние которого заключается в воздействии на то смешанное составляющее, которое наблюдается в результате взаимодействия сознания с бессознательным. Т.е. перед нами получается некая схема: новая информация типа сознание плюс старая инфо, сверху – бессознательное (влияющее на новую и старую инфо) на все это влияет интеллектуальная составляющая, и уже все это являет собой некий конечный продукт (информация, полученная в результате трансформации и посредством воздействия на нее ряда сил, основными из которых была некая новая (только что полученная) и старая (находящаяся там прежде) информация).

И тогда уже перед нами действительно получается некий конкретный продукт, который мы можем наблюдать в заключительной фазе взаимодействия всех вышеизложенных сил.

2

Понимание. На самом деле это по своему достаточно много, чтобы принять во внимание какие-то мысли, существующие на сей день. И все же любого понимания еще мало, порой очень мало, чтобы хоть в чем-то с ними согласиться. Ну, например, если мы примем во внимание, что какой-то предмет не достаточно открылся перед нами. То есть он нам как будто и понятен, и все же словно существует нечто, что неким метафизическим чувством не позволяет нам рассматривать его так, как мы делали прежде. И тогда уже можем воскликнуть мы: какое же это понимание? Ведь понимаем мы что-то, что может быть понятно (или объяснимо) нам; тогда как предмет неопознан. Или существует нечто, что как бы вынуждает нас взглянуть на него с другой стороны. Не есть ли тогда это уже настоящее недопонимание предмета. Не кроется ли здесь как раз именно это самое недопонимание? И если так, то...

Существование загадки на самом деле разрешается весьма просто. Ибо если существует нечто непознанное нами, то мы вероятно должны приложить некоторое усилие, которое должно в свою очередь нас приблизить к пониманию его. А если этого не происходит, то вправе мы задаться

вопросом: а не самообман ли это? И если существует нечто, что нам как будто и видимо (т.е. находится в сфере наших сенсорных чувств), но все же оказывается нами не понятно, то не кроется ли тут какая-либо иная причина. Которая быть может не понята нами? И что тогда?

Я могу сказать, что на самом деле быть может ничего и не происходит. Потому как если мы не можем ответить на какой-то вопрос, то может проблема кроется в том, что этот вопрос не правильно сформулирован. И не больше, не меньше. И тогда уже понимание или непонимание может выйти за рамки просто наших каких-то восприятий. И тогда...

Часть 9. Успех

Говоря об успехе, нам, вероятно, стоит иметь в виду некую формулу успеха, которая неким таинственным образом выводит индивида из цепи непонимания, в котором – иной раз – он обречен странствовать годами.

Причем, конечно же, случается и так, что иногда словно бы и ничто не позволяет индивиду выбраться из заколдованного круга собственной (вероятно все же отрицательной) ментальности. И тогда уже получается, что ничто и не говорит ему, что у него что-либо получится. А сам он обречен почти вечно страдать. Искать и не находить причину столь порочного начала. Колдуны сказали бы, что лежит на индивиду в таком случае венец проклятия; и может быть попытались бы даже освободить его. И самое интересное, что у них вполне могло и получиться. Потому что перед нами вновь представлен эффект внушения (в данном случае – самовнушения), и если уже индивид верит в действие магических сил, то вполне возможно что эти же самые (ну уже наверное другие) магические силы способны как помогать, так и вредить индивиду. И в зависимости от веры его – это будет в любом случае действовать. Но он при этом почти в равной мере может верить и в Бога. И в этом случае тогда уже именно Бог будет заботиться о нем. И именно Бог – исцелять. И пусть это покажется кощунственным, но совсем независимо какой Бог (Аллах, Иисус или Будда). Ведь перед нами пример действия самовнушения. Навлечение индивидом на себя ряда проклятий, которые вызывают в свою очередь различные тревожности и неуверенность. И точно также от этого же можно и избавиться. Надо лишь должным образом захотеть.

Внушение вообще в нашей жизни является одним из главнейших явлений. Ибо обнимает почти все, с чем сталкивается индивид. И тогда уже именно от внушения зависит то, во власти которого находится индивид. Чем он располагает. Что его мучает, беспокоит, чего он страшится, что ненавидит, и от чего старается избавиться. Внушение подчиняет собой сознание индивида. Переориентируя его интересы в своем невидимом направлении. И тогда уже сознание оказывается подвластно ему. А бессознательное... А бессознательное играет в свою какую-то игру. Ибо в иных

случаях внушение находит свое прибежище в бессознательном. И уже оттуда влияет на сознание индивида, делает свою черную работу.

Но вообще-то я могу сказать, что успех по-настоящему сопутствует тем, кто, во-первых, внутренне ориентирован на него; во-вторых, тот, кто предрасположен к успеху (есть такая счастливая категория сограждан). Ну и конечно же успех сопутствует тому, кто жаждет его. А значит изначально делает все возможное, чтобы добиться его.

Но не всегда получается, что достигают вершин те, кто жаждет их. Нет, конечно же, я могу сказать, что со временем они преодолевают многочисленные трудности, возникающие на их пути. Но вот что им при этом приходится испытывать.

Хотя, конечно же, никто не говорит, что будет все так легко. И часто случается, что к индивиду изначально приходят только лишь страдания. Чтобы быть может укрепить его лишний раз; проверить, истинная ли его вера; действительно ли это избранный; способен ли он в последующем понести свой крест. Или сломается, подведет, разрушит то, что создавалось с таким трудом. И поистине это становится очень важным. Ибо ничего не может быть хуже, кроме как ошибиться в последователе своем. Ибо и в том же Иуде Искарите ошибся Иисус Назарянин. И предал тот его. Хотя быть может и предательство сие было нужно Иисусу. Потому как устал он. Стал понимать, что не множатся ряды последователей его. И немного не в ту сторону перегибают ниспосланную для них веру. И невозможно уже было остановить разрастающийся снежный ком, кроме как отойти в сторону. Тем более и действительно сильна была в нем вера. А если так, то отец Святой действительно выведет. Да поможет наставить на путь истинный неразумных. Да и есть ли они, неразумные, сомневающиеся, да искренне заблуждающиеся, быть может. Так человеку свойственно ошибаться. Несовершенен. А потому и должен включать свой мозг, дабы выбрать свой путь. Путь, который у каждого один. Но вот найти его – это, по всей видимости, и есть та неизведанность, которую мы попытались решить на этих страницах.

Часть 2. Знамение

Глава 1. Откровение

Откровение, которое ниспослано на нас, может являться великой тайной, к приобщению к которой мы стремились всю свою жизнь. Но так, конечно же, бывает не всегда. Иногда как вроде бы и стремимся мы к этому, но тайна ускользает от нас. И как будто бы угадывая, что нам ничто не предвещает беды; и мы двигаемся по прибрежной и чуть уловимой полосе нашего сознания. И

находясь с разумом нашего бессознательного открывается перед нами великая тайна, которая быть может и не считается таковой. И ничто как вроде бы не говорит, что это так. Но... но ведь это вполне так и является. А тот, что удерживает наше сознание от признания этого, так это совсем как будто бы и ничто.

И открывается нам великий путь. Понимание пути. И двигаясь по нему, поначалу случается так, что ничего как будто бы мы и не понимаем. Но ведь главное при движении, что никто не препятствует нашему движению. Не сталкивает нас. И это поистине счастье. Потому как в большинстве случаев происходит как раз обратное. И даже начиная движение, мы совсем не знаем: закончится ли оно когда-нибудь.

И ничто как будто бы и не говорит нам о том, что нам удастся закончить это движение. Но мы не сходим с нашего пути. Быть может потому, что нам предвещается великим и прекрасным. Ну а что, скорее всего, мы и не знаем другого пути. И удерживаясь за него, на самом деле думаем порой и вовсе черт знает о чем. И уж, по крайней мере, на нас не нисходит божественного откровения. Потому что мысли наши грязны и нелепы. Да и они настолько сбивчивы, что не каждый может понять нас сейчас. А ведь если вспомнить, наверняка было такое время, когда нас понимали. Когда в нашей душе происходило что-то, что вызывало исключительное понимание ее. И все как вроде бы говорило только о хорошем. А вместе с нашей душой радовалось и все вокруг. По крайней мере, мне казалось, что это происходит так. Хотя уже сейчас я думаю, что ошибался. Потому как и раньше не было ничего лучше, чем сейчас. Просто может удавалось смотреть на происходящее другими глазами. А ведь это не только много значит, но и почти самое главное: какое наше душевное состояние в тот или иной жизненный период. Потому что жизненные ситуации почти что и не меняются. А изменяется наше восприятие их. И именно оно порой столь противоречиво, что в один момент нам видится все в цветущих красках, в другой – перед нами нейтральная информация. А проходит какое-то время – и один сплошной негатив. И это еще все изменяется, перемешиваясь друг в друга. И случается, не прошло и какого-то серьезного времени, а нам это видится уже в совсем другом цвете. От негатива – к прозрачности. И от нейтральности – к насыщенности яркими цветами. И ничто как будто не говорит, что может быть как-то иначе. А то и наоборот, - все видится именно так. И тогда сломя голову мы стремимся скрыться в чем-либо, что нам представляется спасительным. Но опять же, спасительным на какой-то момент. Лишь на какой-то момент. Потому что проходит время, и все вновь изменяется. А мы уже удивляемся, как же так могло быть раньше?

И ничто не способно уберечь нас от такого видения. И ничто не способно спасти нас. И нет нам никакого спасения, кроме как принять во внимание такую ситуацию; и уже начать жить (и понимать действительность) в соответствии с ней. И ничто не говорит о другом. И ничто действительно не спасает нас. Да и разве возможно какое-либо спасение? Потому что это уже и не

спасением будет называться; а тем, что на какое-то время лишь поможет заглушить душевную боль. От которой нет никакого спасения, если она развилась в нас. И нам следует лишь только примириться с ней. Чтобы и умереть с ней.

И тогда уже в действительности и нет у нас никакого выбора. Любой выбор приводит к наступлению хоть какого-то окончания. Наступления его. А в нашем случае он не только не наступает, но и не наступит никогда. И нам – в лучшем случае – следует только смириться с этим. И ожидать окончания. И наступления своего часа. Который, конечно же, придет. Но почему столь мучительна дорога к нему? Почему не может прийти он тогда, когда желаем того мы. И пусть большей частью это желание лишь в нашем бессознательном. Но если мы когда-то себе признались, что именно свое бессознательное поставили мы во главу. Лишь с помощью какого-то метафизического объяснения находим обоснование собственной жизни. Которая уже давно и не нужна нам. А лишь идет все так, как идет, а мы может и задумываемся, почему происходит так. Но...

Нет нам на самом деле спасения. Не желаем мы его. Не всякому доступно наступление этого спасения. Да и нужно ли оно?..

Глава 2. Начало

1

Вспомнить ли нам, когда все начиналось. Не там ли скрывается то, что столь долгожданным представлялось нам в будущем. В нашем ожидаемом будущем, которое для нас на самом деле так и не наступило. Но мы ожидали его. На что-то надеялись. Чего-то желали.

Ну а насколько могли быть уже изначально оправданными наши ожидания?

Я думаю, достаточно туманными они представлялись нам и раньше. Просто случалось так, что что-то заставляло нас и смотреть и видеть их в каком-то другом свете. (Как будто они не были такими). Представляя их как раз такими, какими они никогда не были. Да и вряд ли когда-либо могли быть. А нам же наоборот, отчего-то хотелось не замечать реальности; хотелось выстраивать иллюзорные замки; а отсюда рождение различных нелепостей и суждений, чаще всего прямо противоположных какому-либо нашему смыслу. Ибо, что из себя представляет этот смысл, как не обман, искуснейший обман действительности. Той действительности, которую каким-то образом не хотели мы замечать. Да и не были, по сути, способны. А сознание наше уносило нас в безбрежные дали рождения мыслеобразов и фантазий разума. И ничто не говорило, что это закончится когда-либо; как ничто не могло и свидетельствовать о любом – уже изначально – окончании.

Да и на самом деле, что есть начало или окончание, когда это на самом деле и необъяснимо в своем понимании. Потому что также как непознанное, так и непознаваемо оно. И по-настоящему ничто – случается – не предрасположено к пониманию, как нечто, что словно бы отдаляется от него. А когда мы вновь стремимся к нему, оно ускользает от нас. И ничто уже не кажется нам столь загадочным, как то, что было у нас в начале. Наше прошлое. Потому что кажется, чем больше проходит времени, тем как будто больше в нас должно наступать понимание его. Но так на самом деле никогда не происходит. Потому что изменяется наше восприятие действительности; и мы смотрим на мир уже другими глазами.

И я могу сказать, что по-настоящему уже и не может быть как-то иначе. Ведь если мир изменяется, совсем не означает, что это действительно происходит так. Скорей всего мир стоит на месте. (Как земля стоит на китах). Просто изменяется наш мозг, который или обогащается интеллектом, или становится убиваем этим интеллектом. И нам уже кажется, что мы смотрим на события, произошедшие когда-то, а они стали другими.

Да нет же! В том-то и дело, что все осталось так же как и прежде. Просто нам это видится уже в совсем другом свете. Вот ведь как. А разум... Так ведь разум действительно меняется. В большинстве своем, конечно, в сторону обогащения его какими-то новыми идеями и фантазиями, которые приносит новая информация. Но ведь любая информация может иметь и негативную сторону. И столько же сколько давать – может и отнимать. И в этом, должно быть, значение ее. Причем если что-то отнимает она, то совсем не значит, что это плохо. Быть может просто на какой-то момент нашему сознанию необходимо, чтобы было так. И оно всячески сопротивляется проникновению чего-нибудь иного. А ведь наши мысли способны свободно изливаться только лишь если ничто не стоит на их пути. В ином случае стеснены они каким-то внешним влиянием; и наталкиваясь друг на друга приводят к рождению неких новых форм в восприятии сознанием действительности. И где-то рядом простирается и метафизическое видение ситуации. Когда что-то не предстает перед нами в одном понимании, а заметно как бы многомерность изображения. И потому как происходит это, что-то становится понятно сразу, а что-то только через время. Но уже потому, что это все равно случается так, нам кажется, что должно нам видится это только так, и никак иначе. Ну а почему бы уже и нет? – думаем мы. И в чем-то становимся правы. Хотя в большинстве случаев мы все равно заблуждаемся. И заблуждение это, опять же, есть ничто иное, кроме как то наше нечто, что кажется нам так на первый взгляд. И тогда, как известно каждому, что если дать пройти какому-то времени и взглянуть на прежнюю ситуацию, то она уже наверняка изменится в нашем восприятии. Покажется нам другой. Тогда как на самом деле она будет прежняя. И точно такая же, как была раньше, когда мы смотрели – но видели ее другой. Любая ситуация всегда едина, но меняется все в нашем восприятии ее. Причем я могу заметить, что порой изменяется именно отношение посредством прибавления критичности. Мы словно неосознанно

подвергаем сомнению то, что было раньше. То, что казалось нам еще таким прекрасным, уже не вызывает больше в душе прежнего трепета. Потому что изменяется наше отношение к этому. И к сожалению это так.

Ну а что же наш прежний предмет? Как же он? Мы нашли уже что он совсем не изменился. Но так ли это на самом деле? Действительно ли он находится в своих прежних границах. Или все в нем остается неизменным.

Да в том-то и дело, что он тоже изменяется. Просто он быть может изменяется значительно медленнее, чем то случается с нами.

2

Конечно, я могу сказать еще и о том, что у каждого индивида есть свой собственный выбор.

Трудно, наверное, выносить какое-либо утверждение по поводу того, каков он должен быть. Да это, наверное, и вовсе непростительная ошибка считать так. Но уже с другой стороны, возможно ли существование каких-то вообще вариантов, кроме как тех, которые существуют как бы изначально. И наш индивид будет наталкиваться на них всякий раз, как только попробует как-либо изменить свою ситуацию. Потому что уже и какое-либо изменение ситуации почти непременно и чуть ли не прямо-пропорционально существованию каких-либо иных рождаемых вариантов в нашей мысли. Ибо уже тогда, любые варианты, какие бы не подавал (к исполнению) наш разум – не есть что-то постоянное и утверждающее. И сомнения наверняка все равно должны присутствовать; также, как они присутствуют каждый раз, стоит нам действительно попытаться остановиться на каком-либо принятии решения. Сделать выбор. Потому что выбор...

Глава 3. Выбор

Выбор у каждого индивида почти точно также есть и имеется. Другой вопрос, что не всякому может быть понятен тот или иной выбор. А нам он зачастую уже не кажется таким, чтобы его принимать, не считаясь (и словно получается, изначально отбрасывая) с другими вариантами. Да и если разобраться, что по-настоящему может влиять на наш выбор. На принятие того или иного решения.

И я уже могу отметить ряд факторов, которые можно конечно и не учитывать. Но уже то, что они существуют в реальности, как бы говорит за то, что их необходимо считать (ну хотя бы иметь в виду).

И тогда уже выходит так, что в первую очередь на наш выбор оказывает влияние то, что находится в нашем бессознательном. То нечто, что, быть может, и неизвестно нам. Неизвестно, по

сути. Но что все равно имеется, и с чем мы иной раз вынуждены считаться. Но уже даже если и считать, что мы не станем обращать на него внимание (т.е. попробуем не обратить), то вероятно это все равно зачастую столь ненадежно, что мы вновь и вновь вынуждены возвращаться к нему. К пониманию его. (Хотя какое может быть понимание, если пред нами некая эмпирическая категория, которую нам возможно воспринимать лишь эмпатически. И не более).

Бессознательное... В нашем бессознательном и на самом деле скрывается нечто, что как бы неосознанно влияет на дальнейшую жизнь индивида. Причем, если отталкиваться не только от сегодняшнего времени, а брать в целом, то уже бесспорно можно заключить, что подобная категория оказывала свое влияние и на наше прошлое. И все когда-либо совершенные нами поступки, так или иначе, прошли под властью какого-либо влияния со стороны бессознательного.

Ну и иначе ведь невозможно. Оно на самом деле таит такие глубины, что погружаясь в них, можно выбраться назад (если удастся выбраться) совсем другим человеком. Очень даже другим. Притом что некоторые предпочитают не возвращаться. Но я даже не знаю насколько это желательно для них. Подмена одного мира другим, по большому счету редко когда лучше. Причем, опять же, здесь некая двоякая позиция. Если судить по самочувствию самого индивида, так ему, быть может, в какое мгновение становится и безразлично. Он как бы своим сумасшествием выпадает из социума. А это быть может и самое счастливое состояние для души, когда можно позволить себе не обращать внимание на окружающих; и жить в соответствии с душевными порывами.

Мир бессознательного, кстати, это и есть мир того архаичного, что досталось индивиду в наследство от доисторического человека. И опыт предков, которым индивид может теперь располагать, на самом деле несет в себе как положительные стороны (любой опыт – это приобщение к богатствам разума прошлых цивилизаций), так и сугубо отрицательные категории, при следовании которым этот индивид поставит себя на некие маргинальные позиции; что вызовет неминуемый (со временем он только разрастается) конфликт с обществом, и приведет к изоляции индивида (наша пенитенциарная система тут как нельзя кстати).

И потому, конечно, хоть и трудно удержаться в рамках культуры, навязываемой социумом, но все-таки стоит принимать во внимание существующие табу, дабы не закончить свои дни в сумасшедшем доме или исправительной колонии.

И большая часть индивидов, конечно же, подстраивается под цензуру, введенную обществом.

Можно, конечно, попытаться рассмотреть случай, когда возможно как бы дать бой собственному бессознательному. Да и в ряде случаев вся наша жизнь и состоит из противодействия сознания – бессознательному. Но в большинстве случаев это вносит душевный разлад в психику индивида; вынуждая его постоянно находиться в некой конфронтации к собственному

подсознанию, что вносит сумятицу в его сознание, а значит, вызывает тревогу, беспокойство, да и вообще – душевный разлад. Причем, замечу, болезненный для психики. Оказывавшийся не под силу каждому индивиду. И поэтому некоторые из них вынуждены подстраиваться, принимая предлагаемые «правила игры».

Ну а у того, кто не желает, есть как минимум два варианта: в первом – перед нами пример постоянной борьбы; во втором – т.н. бегство в болезнь. (Причем и на само деле неизвестно что лучше).

В любом случае, конечно, перед индивидом лежит выбор. Ну а уже оттого как им воспользуется....

Глава 4. Согласие, страдание, наказание

Результат разрешения какого-то вопроса есть согласие. Согласие как с решением, так и с собственным вопросом. Потому что без понимания второго – невозможно первое. Хотя в иных случаях оно все-таки вполне случается. Но если все же и происходит, то большей частью, конечно же, именно от непонимания.

Чтобы что-либо понять – мы должны воспользоваться или тем мыслительным аппаратом, который у нас уже сформировался, или положиться на некие филогенетические механизмы. Т.е. на нашу память, память предков, нуминозный опыт. И это в ряде случаев может сыграть роль даже более существенную, чем возможно это предположить на первый взгляд. Ибо, что такое филогенетическое наследие? Это то, что нам досталось от предыдущих поколений. То, что было накапливаемо в течение веков. И вся эта информация есть у нас. Для индивида важно лишь грамотно подключиться к ней. И большего как вроде бы и не требуется.

Однако случается так, что согласия в душе индивида в таком случае не происходит. Ведь наверняка у него имеются такие противоречия, которые просто не могут исчезнуть, когда разрешится какой-нибудь конфликт. (Хотя в ряде случаев это все же случается). И уже потому мы можем заключить, что такой индивид находится в сгустке собственных противоречий. И чтобы ему окончательно успокоиться и прийти в согласие с собой – необходимо как минимум избавиться от всех внутренних конфликтов (что практически невозможно). А значит я уже могу заключить, что наш индивид просто обязан страдать. Причем совсем неверным видеть в страдании только исключительно негативные моменты для индивида. Это, конечно же, не так. Любое страдание – это искупление. Искупление какой-либо вины перед другими. Поэтому уже в этом плане я бы отметил исключительную сторону страдания. Ведь случается так, что для индивида, быть может, и не существует иного способа избавиться от собственных конфликтов, кроме как понести за них

наказание. Причем в иных случаях само наказание может являться и непосредственно вторым в цепочке: проступок – преступление – наказание. А может являться и совсем даже за нечто иное (уже не важно: совершенное или вовсе несовершенное). Ведь мы рассматриваем сейчас душу. А для психики индивида несомненно важно даже не наказание, а именно то искупление, которое дарует оно; индивид как бы высвобождается от мучивших его противоречий. Его «Я», томившееся доселе от патологического чувства вины, теперь неким чудодейственным образом исцеляется.

Но что может дать ему это исцеление? Дарует ли оно что-нибудь ему? О да! Оно дарует ему свободу. Оно позволяет ему в последующем наслаждаться жизнью. Строить свою жизнь как уже этого пожелает он. А не так как раньше – подстраиваясь под мнение окружающих.

Глава 5. Искупление

На самом деле я могу заметить, что именно в желанности искупления и заключается страсть и к страданию, и к наказанию. Потому что именно искупление – есть высвобождение от мучительного чувства вины. Именно искупление есть нечто возвышенное, что позволяет индивиду стать в действительности тем, кем он пожелает. Ибо если только представить, что с ним было раньше. Его душа находилась в вечных страхах, тревогах и сомнениях. Он как будто бы и желал от них избавиться, но желание это было больше бессознательное, чем реально исполнимое. Потому что оно совсем не могло задействовать его сознание. А только если уничтожается нечто, что находится в нашем сознании – мы можем говорить, что нам действительно удалось избавиться от чего-то. В ином случае перед нами все то же страдание. И горечь от такого страдания совсем невозможно сравнить ни с чем иным. Потому что плачет и разрывается от страдания душа такого индивида. Жаждет он исцеления, но по-настоящему исцеление может прийти лишь только с исцелением. А если не случается такового, то вольны ли мы тогда даже надеяться на какие-либо изменения.

Нет. Не вольны. А значит и множатся наши страдания. А значит....

.....

В предыдущей главе мы заметили, что страдания в иных случаях оказываются весьма необходимыми для индивида. Потому что нет таких страданий, которые бы не несли для человека нравственного самоочищения. Даже если страдания происходят как бы «в долг», то и в этом случае это весьма благосклонно для психики. Потому что индивид как бы заочно и заранее получает некую индульгенцию на совершение грехов. Тех, которые совершит он в последующем. И тех, которые оказались бы весьма болезненными для психики индивида. Но это было бы раньше. А теперь

(благодаря искуплению) индивид как бы избавляется от собственных волнений. От которых быть может и не мог он избавиться иным образом. Но теперь становится возможным это. И не это ли по-настоящему радость для него. Ведь если нет больше в нем и каких-либо внутренних противоречий, мучивших его ранее, и избавление от сомнений, почти всегда находящихся в душе индивидов с тонкой душевной ориентацией почти исключительно самое долгожданное, чего только и остается желать. Ну а почему тогда не признать, что это становится возможным благодаря состоявшемуся искуплению. Сначала страданию, а потом искуплению. И это в принципе для индивида оправданно. На мой взгляд кажется оправданным. Ведь что может быть счастливее того, как избавиться от душевной боли; от мучивших тебя тревог, сомнений, противоречий. Разве не это в конечном итоге – суть нашей жизни. Искупление. Стремление к искуплению.

Глава 6. Противоречия

1

Противоречия могут быть различного характера. Не всегда избавление от них заканчиваются благосклонно для самого индивида. Но в большинстве случаев происходит именно так. Потому что индивид как бы избавляется от чего-то мешавшего ему. Что в какие-то моменты даже кажется ему невыносимым. И он ищет, уже даже вынужденно ищет избавления от них. И находит. В конечном итоге находит. Ну а почему нет? Ведь я уже могу заметить, что какие-то противоречия уже как будто изначально существуют, чтобы всяческими своими действиями (мыслями и производными мыслей – образами) находить избавление от них. А вот между ними (между началом, зарождением сомнений, и разрешением конфликтов души) сама жизнь.

Но это только стороннему наблюдателю (хотя если он «наблюдатель»,- то уже никак не «сторонний») может показаться что все просто. На самом деле потому и существует различный у каждого жизненный период, в результате которого его мозг пылливо стремится к поиску ответов, задаваемых самой природой его существования. И чем значительнее интеллект, тем все пылливее и труднее эти вопросы. И на каком-то этапе наступает то, что индивид начинает запутывать сам себя. И тогда ему приходится возвращаться как минимум к началу. А то и еще намного раньше. Чтобы таким образом разрешилось то, что мучает его. Ну а если он не находит... Ведь случается так, что он действительно не находит ответы. И тогда страдает такой человек. И на каком-то этапе наступает понимание этих страданий. И перед ним открывается некая тайна. Которая позволяет ему разрешать мучившие его душевные конфликты с позиции уже открывшихся ему откровений. И я хочу сказать, что если даже перед таким человеком еще и не открывается истина, то уже то, что находится на пути к ней – верно. Пусть эта истина будет и несколько иной, чем быть может она бы

могла явиться ему в прежнем (уже прошлом) случае. Но то что сейчас перед ним все равно какое-то понимание правды... Ну почему же это не может быть верным? Верно. Конечно же верно. Просто теперь у индивида несколько другой взгляд на проблему. Хотя это почти еще и не означает исчезновение самой проблемы. Но ведь и то, что он находится как бы на пути к этому – говорит о многом.

2

И тогда уже противоречие как бы само собой быть может и желанно для индивида. Ну так уж случается, что находит он таким образом какое-то избавление от страданий. Причем, да, это притом, что зачастую он-то и страдания свои (у себя) инсценирует. Чтобы потом уже как бы избавляться от них. И можно сказать, что в соответствие с таким видением мира он уже и выстраивает собственную жизнь. И ему уже кажется, что все именно так и должно быть. И ничто даже не кажется иначе. Не только не кажется, но я могу сказать что он бы наверное и не допустил, если бы хоть что-то в его жизни пошло бы по какому-то другому направлению.

Жизнь остановилась, скажете вы. Да ничуть! У него может и вообще все только начинается. И уж он-то как раз видит свою жизнь именно в таком свете, в каком ни за что не увидеть нам. (Да и мы не стремимся). Но вот что тогда будут эти его надуманные, уже можем говорить, противоречия. Не результат ли это вообще всей его жизни. Той жизни, которая каким-то независимым ни от кого образом выстраивается в соответствие с бессознательным, скрывающимся в глубинах психики и оттуда влияющим (или лучше сказать – корректирующим) на жизнь индивида. И вот что в этом случае? Хорошо ли это? Так-то ли это уже хорошо? Или я могу сказать, что это на самом деле и не зависит от нашей оценки. Вернее, будет происходить независимо от того, действительно ли это хорошо или плохо; да и вообще не зависит ни от чего, кроме как от содержания самого бессознательного. От того, что на данный момент находится в его «нижних» или «верхних» отсеках (включая и оперативную память и проч.)

То есть я хочу сказать, что, конечно же, то, какие в данном случае у индивида проявляются поведенческие мотивы, зависит от той информации, которая и уже хранится в его памяти, и информации, которая непосредственно поступает в результате контактов с внешним миром. И в большей мере, конечно же, не от самой информации (хотя она, бесспорно, важна), но и от переработки ее. Вот это-то почти и есть то главное, на что следует обращать внимание.

Но вот что тогда противоречие? Когда же вступает в силу оно? И как оно вообще действует на индивида? Что если нам попробовать несколько глубже, чем предполагает поверхностное наблюдение? И попытаться, так сказать, сделать какой-либо отчет о влиянии противоречий на индивида. Выяснить, почему в одних случаях происходит так, что индивид как бы и не считается с наличием в нем множества (существующих) противоречий. Как бы живет с ними. А в другом же, он

наоборот – мучается и страдает из-за того. Не закралось ли само противоречие уже в существование этого? Не выходит ли так, что стремясь высвободиться от даже хотя бы намека на какое-либо противоречие (да и всячески при этом стремясь избежать наступление его), индивид попадает в некие рамки условностей. Которые не позволяют ему считаться с самим собой. Даже с прожитым опытом. А наоборот, всячески уводят еще дальше в сторону. И он таким образом уже как бы избегает проблемы. Стремясь совершить нечто, что уже бы никак не касалось его. И вот тогда уже (если это когда-нибудь действительно происходит так) перед нами вариант некой загадки. Ну а попросту – тех же самых противоречий. Только индивид в этом случае уже как бы вынужденно считается с ним. И в конце концов – смиряется с ними. Противоречия и он становятся как бы неотделимы друг от друга. Ну а то, что со временем это приводит к трагедии... Да в тот момент наш индивид уже как бы и не замечает этого. Он вообще не в силах замечать чего-то, что вступает в противоречие с ним самим; с какой-то (только ему известной) внутренней самоорганизацией. Но ведь это же начало трагедии,- скажете вы. И будете правы. Ну а то, что наш несчастный не замечает этого?.. Да это его, по крайней мере, право. Разве что быть может хоть что-то поймет, прочитая эти строчки. Ну тогда эти строчки можно посвятить исключительно ему. И тем другим, у которых проблема «еще впереди».

Глава 7. Сомнение

Не мне вам говорить, сколь мучительны сомнения. Сколь болезненны они для пытливого ума. И сколько таят в себе страшного, злого, негативного.

Но уже тут же я могу дать величайшую оду сомнениям, потому как именно они позволяют индивиду двигаться вперед. Расти в собственных глазах, и в глазах окружающих. Именно наличие сомнений служит тому, что индивид пытается хоть в чем-то попытаться разобраться. А это уже непременно является минимальным залогом того, что в последующем у него, в его личности, начнутся изменения. И он уже не будет таким, как прежде. Но это произойдет чуть позже. А пока в нашем индивиду развиваются лишь сомнения. Перед ним подсознательно как будто бы развивается вопрос, который непременно образом требует своего разрешения. Но вот начни в действительности разрешать он его, и уже не покажется он ему таким простым. А даже наоборот, чем больше душа его начнет как будто и постигать тайну,- тем больше станет он убеждаться, что по-настоящему как будто ничего и невозможно. Да даже еще и не начато, по сути. А любое какое-либо начало обычно приводит к появлению еще больших сомнений; так, что уже кажется иной раз, что уж лучше бы и вовсе не начинал.

Но пути назад уже нет. Да и можно ли в действительности говорить о каком-либо отступлении, когда если и случится оно, то это означает что сомнения не только остались, но и они победили. Ну а разве уместно, чтобы происходило так? Нет. Так значит, стоит ли мне говорить о том, что не только не сдаваться, но и наоборот – победить. И попытаться или развеять какие-либо свои сомнения, или же наоборот, добиться максимального развития их. И когда давление возрастает в какой-то точке, то вполне возможно, что и произойдет взрыв (если страсти достигнут максимального накала – то они разрешатся). Мозг, который в данном случае в течение длительного времени будет ориентирован на одну «волну». Это, в конце концов, приведет к появлению какой-то другой, новой мысли. Которая все имеющиеся противоречия как раз и разрешит.

Глава 8. Изменения

Вероятней всего можно допустить, что не всякие изменения, происходящие с индивидом, благотворно сказываются на его существовании. Для нас сейчас, конечно, интересно рассмотреть те, которые оказывают влияние на личность. Приводят, в свою очередь, к изменению личности. И уже отсюда, я могу заметить, изменяется и вся жизнь индивида.

Причем характер изменений личности иной раз бывает прямо пропорционален ожидаемым результатам. И тогда уже действительно, нельзя любым изменениям придать статус желанности для индивида. Хотя и конечно верно, что сам индивид – иной раз – заблуждается в своих оценках, касаемых необходимости чего-либо для себя. Да это, в конце концов, и понятно. Ведь душа индивида находится в сомнениях, а его разум подвержен в первую очередь влиянию бессознательного.

И, по сути, о каких тогда можно говорить изменениях, когда индивид зачастую и сам не знает, что он хочет. А если даже знает, если как вроде бы и «уверенно» идет по жизни в соответствии со своими знаниями, то и тогда на него все время оказывает влияние его бессознательное. И психические процессы, происходящие в результате этого совсем непредсказуемы. А изменения у «ищущей» души – вообще могут происходить постоянно. И меняется даже не в месяцы или недели, но и даже сутки. (Хотя в этом случае нам уместней, наверное, говорить или об индивиде с весьма и весьма тонкой душевной организацией, или о какой-либо психопатологии).

Глава 9. Пожелания

Ничто так не отравляет жизнь индивида – как пожелания с чьей-либо стороны.

Мозг индивида, воспринимая подобные «пожелания», начинает подстраиваться под них. А значит менять свою жизнь уже с некими подобными новыми веяниями (в его сознании).

Да и сознание его вынуждено как бы оказывается перед выбором: или оставить все как есть (что оно в большинстве случаев уже не желает, так как каждый из нас подвержен влиянию внушения), или же вводить какие-то коррективы в психический уклад собственной жизни. И в большинстве случаев такой индивид выбирает второе. А значит, какие-либо «пожелания» приводят к изменениям. Приводят к рождению новых мыслеобразов. И вследствие этого приводят к новым поведенческим мотивам и самим, собственно, обновленным поступкам. А значит перед нами уже в какой-то мере рождение нового индивида.

А все началось с пожеланий...

Глава 10. Забота

Быть может забота по своей категории выглядит даже значительней, чем какие-то иные категории. В демонстрировании заботы на самом деле можно увидеть и акт какого-то возвышения. По крайней мере собственная самооценка порой повышается значительно. И возможно это потому что проявляя в отношении кого-то заботу, мы тем самым подсознательно возвеличиваемся в собственных глазах. Ведь мы можем поделиться с кем-то тем, что уже есть у нас. А значит, мы как бы обладаем тем, чего нет у кого-то другого. И не только внешняя, но и внутренняя сила зачастую у того, у кого что-то есть. Именно поэтому – нечто подобное и происходит. Хотя, конечно же, большей частью я здесь имею в виду категорию несколько эфемерного (главным образом абстрактного) значения. Хотя и все же могу заметить, что существуют и исключения. Когда индивиды, не имеющие каких-либо внешних (материальных) знаков величия – тем не менее обладают достаточной внутренней силой. Но тогда уже перед нами пример некой «материализации воздуха». И по всему – это так.

Забота не всегда должна иметь какие-то внешние проявления. В иных случаях (да и может быть чаще всего) достаточно нашего осознания, что есть кто-то, кто поддерживает, заботится о нас. Это придает дополнительные силы. И чаще всего трудно найти заменитель этого по важности.

Забота может состоять из нескольких категорий. Но самое главное – уже само ее существование. Ибо ничто так не радует нас, как чья-то поддержка. И часто – только это и важно.

Часть 3. Действительность

Глава 1. Простота

Иной раз то, что кажется нам простым – на самом деле таким и не является. Хотя могу сказать, что каждый из нас должен стремиться к тому состоянию, которое дарует душевный комфорт. И одной из таких категорий вполне может быть простота. И тогда уже простота это то, что несет в себе как минимум различные категории. Ибо может быть простота – действительно являться простотой. Когда восприятие мира индивидом сводится к неким (достаточно простым) поступкам; и что не требует – для доказательства – наличие какой-то сложной истины. А сама простота, в таком случае, будет тем, что сможет приблизить нас к некой душевной гармонии, к которой, по большому счету, неосознанно каждый из нас и стремится.

Термин «простота» несет в себе некую всеохватываемость. И это тоже мы должны учитывать. Так же здесь, вероятно, и некое тайное желание правды. Истины. Вообще, если разобраться, истина это то, чем подкрепляется все постигаемое нами. И любой индивид в какой-то мере руководствуется (в т.ч. и в собственных измышлениях) категориями истины. Какой бы эта истина и не казалась ему тревожной (для него), или несущественной.

И тогда уже мы можем заключить, что термин «простота» вряд ли так уж будет обозначать нечто простое и сразу понятное. Вероятней всего, что это даже будет и совсем не так. Ибо часто случается так, что только на первый взгляд нам кажется, что все просто, доступно и понятно. А как только начинаем копать, так все оказывается и вовсе даже не просто. Да и если подумать, вряд ли – при внешней может быть и видимости – любой индивид возжелал бы, чтобы все у него было просто. И за что бы ни брался он, это бы с легкостью разрешалось. Как бы не так. То, что он должен стремиться к этой простоте – это верно. То, что он должен желать слегка «упростить» действительность – верно тоже. Но и не больше. Излишнее упрощение, на мой взгляд, со временем вообще может привести к девальвации. Также как и чрезмерное усложнение послужит причиной потери интереса. И если мы стремимся удержать чье-либо внимание, то нам следует уподобиться истопнику печи. И следить за огнем, планомерно подкладывая поленья. И излишний накал и чрезмерное затухание – никому, конечно же, не нужно. Я бы и вообще сказал, что чрезмерная простота легко может погубить. Ведь в этом случае и исчезают механизмы адаптации. А значит организм уже не вырабатывает должную долю психической защиты, которая может защитить сознание. А сознание тогда защищается само. Но защита у него иной раз уж слишком проста: оно просто блокирует какое-либо чрезмерное внимание к себе. А значит ни о какой уже позитивности момента говорить не приходится. А перед нами быть может и вообще пример намеченной деструкции. И чем больше мы будем пытаться что-либо изменить, тем больше способны запутать

сами себя. И ничто не способно привести даже к толике какого-нибудь положительного решения. Так что простота оказывается и не всегда желанной. И тем более необходимой. А нам в иных случаях приходится вновь и вновь возвращаться обратно. Но сколько бы мы не пытались, уже вряд ли это будет возможно сделать. Хотя пытаться, конечно же, стоит. Но вот насколько повезет нам? Не известно.

Глава 2. Душевность

Душевность очень хорошее качество. Не всегда я могу сказать, что оно является желанным для своего проявления. Так же как не каждый раз встретишь в наше время проявление душевности. Люди большей частью погружены вглубь себя. А если и встречается душевность, то это большей частью нечто наносное и ложное. А проявление истиной душевности должно идти «от сердца». Что не каждый раз встретишь как хотелось бы, потому что люди берегут свое сердце. А еще больше они опасаются выглядеть глупыми. Потому что искреннее проявление – есть та тайна, которая уже и не является никакой тайной. И вы становитесь открыты другим. А значит ваша боль и ранимость становится доступна кому-то еще. А это уже чревато возникновением зачастую и вовсе нежелательных последствий.

И случается так, что это со стороны выглядит именно так. Ну а то, что в вашей душе из-за этого начинает твориться настоящий хаос, это как будто бы безразлично. И никого не заботит кроме вас. Да и ваши опасения никому не важны. Потому что ничто один человек в мироздании. Он та частица, которую никто даже не замечает. И если случится ваша смерть, то лишь на короткий срок она кого-нибудь затронет. Да и то – только близких. Но и они уже не будут так переживать через время. Ибо сказано – все течет и меняется. И пройдет какое-то время...

Грустно. Иногда во мне писатель побеждает философа. Но почти тотчас же философ все же одерживает вверх. Ибо нашу жизнь все же следует описывать в прозе. А сама жизнь – есть самая суровая проза. И глупо было бы тешить себя утверждением обратного.

Но мне все-таки намного ближе душевные люди. Я как-то искреннее понимаю их. И с сочувствием отношусь к тому, что их век изначально короче. Потому что за невероятно многое им приходится переживать. И расстраиваются они заметно больше, чем остальные. Да я бы и сам отнес себя к душевным людям. Если бы с некоторых пор перестал понимать, к кому действительно мне стоит себя причислить. Ибо чем больше открывается передо мной тайна мироздания, тем больше замечаю я то, что замечать не следовало бы. И уже известно что укоротится от того жизнь. Но если ступил на такой путь, то дороги обратно нет. А сама жизнь? Да так ли нужна эта жизнь; а если и

нужна она, то лишь для того, чтобы запечатлеть нечто единое, что, быть может, и хотело бы стать целым, да само никогда таким не станет. Пока мы сами не сподвигнем его к этому.

И я с величайшей симпатией отношусь к душевным людям. Ибо они есть то единственное, что оправдывает существование индивидов на земле. Если бы не они, право, я затруднился бы тогда сказать: зачем вообще жить.

Глава 3. Тревога

Тревога, тревожность, беспокойные состояния – это все суть одного. Но считать бы это только категорией нервности непростительно ничтожно. Ибо даже если и считая так, для нас было бы несравненно интересно узнать о причинах возникновения; о зарождении подобных чувств у индивида.

Но даже минуя и это (оставим объяснение причин возникновения симптоматики психопатологии психопатологам да психиатрам), я все же могу заметить, что несмотря на то, что чувство тревоги испытывает большинство, по-настоящему подвластно оно не каждому. Т.е. получается, я уже склонен рассматривать тревогу, наделенность тревогой – как некие эксклюзивные качества отдельных индивидов. И ведь действительно в полной мере испытывать то, что принято понимать под тревогой, дано не всякому индивиду. А некоторым так и вовсе удается избежать ее. Но я не думаю, что это благосклонно сказывается на них. Для творческого человека я вообще считаю, легкая степень тревожности просто необходима. Иначе нечего будет ему сублимировать в творчество. А отсюда уже и самого творчества не будет.

На зависимость творчества от тревожности в частности и невроза в целом (общей невротичности индивида) я хотел бы обратить особое внимание. На мой взгляд, это почти единственное составляющее, что позволяет индивиду творить. Ведь создание любого произведения – это есть извлечение из глубин собственного бессознательного каких-то скрывающихся там механизмов бытия; из-за чего, собственно, и возможна сама жизнь, само существование индивида. И выплескивая на страницы собственную патологию психики, индивид как бы высвобождается от мучившей его симптоматики. Тем самым мы можем говорить о некой лечебной роли творчества. Потому что пока творец пишет, - он как бы способен отдалить мучившие его страхи, тревоги и сомнения. Но при этом следует обратить внимание, что, конечно же, в иных случаях своим творчеством он еще больше загоняет себя, обрекая на постоянное нахождение в вызванном им кошмаре. Но и иного уже не дано. Потому иначе индивид уже не может. Он выбрал этот путь. Все знают, что у него такой путь. И тем самым я могу проследить зависимость творчества от социума.

И наш индивид не может (да и не знает: должен ли?) высвободиться от навязываемых самому себе псевдо-влияния социума, и как бы уже вынужденно следует этому.

Ну а что до тревожности, так это именно тревога послужила тем фактором, от которого когда-то индивид хотел избавиться. Избрав одним из способов высвобождение – собственное творчество. Но это было только в начале. Теперь он попал в зависимость и от своей тревоги, и от своего творчества. И ничто не говорит о том, что он сможет от этого когда-либо избавиться. Уже хотя бы потому, что избавление будет свидетельствовать ни о чем другом, как о появлении той же самой тревоги, тревожности, какого-то беспокойства. И словно бы уже никак и не может быть иначе.

И потому тревогу я рассматриваю как некую позитивную составляющую прогресса. И конечно же – отсюда – и составляющую творчества. Да и вообще, наверное, самой жизнедеятельности индивида. Потому что если он не творец – то в таком случае он сублимирует свою тревогу в какие-либо дела, которые творит в течении своего существования. И это по-настоящему (опять же) положительный момент. Ибо если бы являлись мы свидетелями относительного спокойствия индивида, то в таком случае подобное спокойствие нам бы пришлось рассматривать и как некую регрессию. Да иначе вроде как и никак.

Глава 4. Непредсказуемость

1

Можно было бы попытаться совсем игнорировать подобное понятие. Но предикат «непредсказуемости» важен нам уже хотя бы потому, что обнимает собой огромнейшую категорию жизни индивида. Отсылая нас напрямую к бессознательному. Ибо уже именно оттуда берет свое начало то, что происходит с индивидом как бы неосознанно, бессознательно, непредсказуемо. Ибо получается так, что стоит ему начать совершать какие-либо поступки, и почти тотчас же – если задумается он о том – являемся мы свидетелями некой необъяснимости ряда причин. Рядя появляющихся причин. И оказывается так, что пожимая плечами, индивид волен искать причину возникновения подобного именно в непредсказуемости. Тогда как я могу заметить, что любая непредсказуемость - не есть что-то необъяснимое. Потому что – чаще всего – то, что кажется нам непредсказуемым, так верно только на первый, поверхностный взгляд; а на самом деле, даже в самых неосознанных поступках скрывается не загадочная тайна, а наоборот – объяснение мотивационной составляющей тех или иных характеристик индивида.

И уже из-за этого нам следует по меньшей мере с должным вниманием отнестись к ряду наших как будто бы и неосознаваемых поступков; но если случается так, что следует обратить

внимание что это происходит исключительно из-за того, что мы выносим на первый план категорию сознания. Тогда как ситуация в действительности может быть совершенно иной. И мы должны как минимум считаться с тем, что некоторые из считавшихся доселе непредсказуемыми – поступков того или иного индивида – на самом деле наделены самой что ни на есть твердой мотивационной составляющей. Просто выходит так, что сознание здесь искусственно (ну или по каким-то своим причинам) отказывается понимать то, о чем ему решает свидетельствовать бессознательное. Но это совсем еще ничего даже не значит. Потому что для нашей психики борьба сознания с бессознательным известное правило; и в зависимости от того, кто периодически одерживает вверх – тот и правит бал. И мы уже можем говорить или о сознательной (и уверенной в себе) личности, которая в первую очередь руководствуется практическими вопросами и видимо стоит на уверенных материалистических позициях, или же наоборот – об индивиде, в психике которого превалирует бессознательное. И тогда, вероятно, он намного чаще, чем другой должен являться автором непредсказуемых поступков. Но непредсказуемость их является таковой по отношению к сознанию. Тогда как с позиции ведения бессознательного, подобные поведенческие мотивы очень даже может быть и оправданны. Понятны. Объяснимы. (Как минимум – объяснимы).

Вообще же, достаточно любопытно проследить отношение к каким-либо (одним и тем же) поступкам – с позиции оценки их отдельно – и сознанием и бессознательным.

Наверное, тут уместно говорить, что бессознательное в этом отношении более комфортно, лояльно. Тогда как сознание ассоциируется с непоколебимой уверенностью, твердостью, решимостью. И решительностью в отстаивании своих убеждений. В следовании собственно инициированным требованиям.

2

Непредсказуемость, конечно же, любопытная категория. Мы уже выяснили, что то, что на первый взгляд кажется непредсказуемым, зачастую таковым и не является. Но видимо и всецело относить непредсказуемость исключительно к категории бессознательного было бы и непростительной ошибкой. Потому что ничто нам до сих пор не кажется такой тайной, как бессознательное. И тогда уже в ведении его, конечно же, находится нечто, что может быть объяснимо с позиции влияния неосознанного – на наше бытие. Но и тут же уже следует задуматься над тем, что то что кажется нам неосознанным, таким будет являться лишь только на первый взгляд. А на самом деле, иной раз, за этим стоит самая настоящая – осознаваемая и объяснимая – причина. И тогда уже ничто так не кажется неосознанно – как, собственно, само сознание. Да и категории сознания и бессознательного, как мы знаем, все же в полной мере весьма и весьма

относительны. И способны переходить друг в друга. Также как становятся взаимозависимыми. А это уже представляется нам не только непременно важным, но и очень даже серьезным.

И тогда уже непредсказуемость не покажется нам таким уж метафизическим понятием, как кажется то на первый взгляд. И если угодно, мы с полным правом способны разложить понятие непредсказуемости (в том же самом поведении индивида) на некие составляющие. В ряде которых они переходят от сознания к подсознанию и наоборот. И ничего уже с этим не поделать.

3

Конечно же, можно предположить, но может лучше для индивида совсем не испытывать состояние непредсказуемости. Независимо что это: непредсказуемость в делах, поступках, или только мыслях.

Случается и так, что можно даже рекомендовать ему избегать той самой непредсказуемости, становившейся для него уже мучительной. Но... Вот ведь вопрос: возможно ли свести нашу жизнь к каким-либо простейшим (и понятным каждому) характеристикам?

Наверное все-таки нет. Непредсказуемость (также как и тревога, и другие характеристики) является чем-то вроде катализатора. Быть может даже некоего раздражителя. Когда психика, стремясь не допустить (или уже перебороть) последствия столь неприятного явления (возникающего со всей нежелательной непредсказуемостью) стремится как бы компенсировать возникновение случаев непредсказуемости путем некой дополнительной активации. В результате чего происходит взрыв дополнительных (автономных) источников энергии, и все как бы действительно более-менее компенсируется. Ну а если нам следует говорить о каком-то изначальном контроле явлений непредсказуемости, то это, конечно же, и вовсе даже невозможно. Потому что от самого индивида здесь ничего не зависит. И проявление этого относится к той категории, когда какие-либо явления возникают неосознанно; и тем более причина появления их вполне может иметь и Божественную основу, т.к. необъяснимо нам. (Если мы не можем ни доказать ни отрицать существование Бога, то вряд ли мы не можем списать часть явлений, которые не можем объяснить, или которые можем принять как бы априори – на Божественную составляющую. Я вообще полагаю, что у приверженца каждой теории должна быть возможность представить свою точку зрения).

Конечно, кому-то из индивидов быть может захочется избежать свидетельства непредсказуемости. Но смею вас уверить, что окончательно это вряд ли возможно. Потому что даже если и существует что-то, что не проявляется в какой-то отдельный момент времени (а время стоит понимать как некие фиксированные промежутки относительно пространства, вселенной), то это совсем не значит, что подобное же произойдет в последующем. И никто из нас вообще не волен

что-либо знать даже о том, что с ним произойдет в последующую минуту. Тем более, как же он может даже задумываться, чтобы вступать в спор с кем-либо. Это может и попросту невозможно. Ну и так тогда происходит, что сама по себе непредсказуемость (уже как рассматриваемое нами понятие) простирается намного шире узких рамок того понятия, которые она заключает в себе. И видение ее быть может и вообще относиться более к мечте, нежели чем к каким-либо иным, более-менее объяснимым понятиям.

Глава 5. Мечта

1

Я могу заметить, что мечта это почти то единственное, что свойственно почти всем без исключения индивидам. И даже не потому, что мечтают все почти без исключения; а если и находятся таковые, то просто значение слова «мечта» следует вкладывать в некую иную категорию, которая непременно выступает заменителем этого слова, но и потому, что без мечты как бы и вовсе жить невозможно. И для существования уже самой жизни следует создавать в нашей психике, в нашем сознании или в том же бессознательном – некий вымышленный мир, который непременно включает в себя то, что мы бы назвали не иначе как мечтой.

Что есть наш вымышленный мир? Я могу сказать, что вымышленный мир, мир исключительно проецированный сознанием, - есть некий заменитель реально существующего мира. И зачастую только лишь из-за того, что психика индивида обретает в результате этого некую возможность воплощать в псевдо-реальность те идеи, которые все равно волей случая и самой специфики психики рождаются в разуме индивида.

Он как бы получает возможность, путем «проигрывания» в своем сознании нечто того, что быть может в реальности и никогда и не произойдет, испытывать и переживать то (психическое) состояние, которое быть может ему и необходимо. Да он, по сути, уже без него и не может. Ибо не всегда становится возможным воплотить в реальности те подсознательные фантазии, которые даже и не рождаются, а только живут – уже живут – в бессознательном индивида. И таким образом наш индивид наделяется поистине сверхъестественными полномочиями. И ничто уже не может остановить его. А значит отдалить от сознания тех образов, которые рисует его воображение. И я бы даже – в этом случае – поостерегся проводить какую-то демаркационную линию между тем, чему является свидетелем сознание, и что находится в ведении исключительно бессознательного.

Ни сознание ни бессознательное в данном случае вам вообще не помощник. Ведь сама мечта ни за что бы не решила, где ей лучше всего оставаться: в сознании или в бессознательном. Да это и невозможно решить. Тем более что ни о каком выборе не может идти речи. Все должно случиться

как бы «само собой». И произойти так, как того в большей мере требует то нечто неосознаваемое, что живет в душе каждого из нас. И это действительно происходит так. Без какой-либо оценки со стороны. Да и если мы и должны говорить о какой-то оценке, то лишь в том плане, что она и вовсе невозможна. Да и... не должна быть.

2

Что есть мечта?

Мечту следует рассматривать как призрачный мир. Как нечто, что существует само по себе. И существует только лишь из-за того, что существовать должно. Без существования чего индивид быть может и не выжил бы. Да и сама мечта, в таком случае, больше напоминает нам, конечно, некую тайну; которая если и существует, то только лишь из-за того, что наш мозг не в состоянии лишить себя возможности существовать без рождения каких-либо вымышленных образов. Тем более мы уже заметили, что они необходимы ему для проигрывания тех ситуаций, в которые он или еще не попадал, или не попадет уже. А проигрывая их, рождая в своей психике цепочку мыслеобразов, простиравшихся между сознанием и подсознанием, индивид как бы является свидетелем небывалого по всеохватываемости события. Что позволяет ему испытывать те же самые чувства, какие были бы у него, если бы ему довелось пережить нечто подобное в реальности.

И уже потому, мечта для индивида, конечно же, необходима. Она желанна для него, как может быть желанна самая сексапильная женщина. И эта же самая мечта может быть недоступна – как некая принцесса, с которой мы знаем, что никогда не встретимся. Как и знаем, что ни первая ни вторая не существуют в массовом порядке. И чтобы увидеть их, следует чтобы нам или Бог послал провидение, или дьявол – искушение; но уже зная трудности на пути этого - мы тем не менее все равно желаем то, что желаем,-- вот также и мечта наша существует, несмотря на порой и нереальность ее существования. Да я могу сказать, что большинству из индивидов и не нужно, чтобы исполнялась их мечта. Ведь уже само существование ее позволяет свершаться великим деяниям (на пути осуществления ее); а если допустить что мечта свершилась,- так вроде как разом и исчезает цель, а зачастую и смысл жизни. И в лучшем случае мы будем пребывать в некой прострации, пока перед нами не явится во всем своем великолепии новая мечта. И мы вновь, затянув потуже узелок, будем стремиться к новым достижениям, свершениям, открытиям. А когда и это произойдет, то так каждый раз будет повторяться вновь и вновь. Ибо остаться без мечты для индивида значит остановиться в развитии. А всего человечества в целом – исчезновение цивилизации посредством остановки процессов эволюции. И ни больше, ни меньше. Потому что именно мечта является двигателем прогресса. Позволяя усердным достигать желаемого, упорным – допустимого, а ранимым – воображаемого. И даже если у вас ничего не выйдет, а вы столь непрактичны, что не в состоянии иной раз и просто жить, именно наличие мечты позволит вам

испытать все то (все те ощущения), что выпадут на долю вашего более везучего собрата. Хотя поистине тут еще и не дано судить – кто более везуч.

3

Мечта вообще всеохватна по своему понятию. И никакая сила не может заставить индивида отказаться от нее. Также как ничто не в состоянии усилить ее значение для психики больше, чем сама эта психика в состоянии выдержать. И потому я могу заметить, что мечта уже сама по себе обладает как бы некими категориями самодостаточности; позволившими ее регулировать самому себе. Не позволяя не зашкаливать, ни исчезать. Мечта даже быть может нечто, что даровано нам свыше. И к чему следует относиться с величайшей осторожностью. И мне кажется иногда, что насколько бы каждый из нас в действительности бы не желал рождения у него мечты, он в первую очередь неосознанно задумывается о том, что должна существовать какая-то одна глобальная мечта. Она и только она должна возвеличиваться над другими. При этом я конечно же не исключаю, что ничего больше и не должно существовать. Потому что вполне разумно (частично из-за тех причин, о которых мы уже упоминали), если существует даже не одна мечта, а их несколько (пусть и неравнозначных между собой). И тогда уже все равно какая-то одна мечта будет возвышаться над ними. И именно исполнение ее для индивида будет желанным в первую очередь. Но уже, конечно же, он должен понимать, что таким образом приводит (со временем) к исчезновению ее. А значит должен (словно про запас) держать на примете еще одно нечто, что со временем (после исчезновения первой) может взять на себя ее функции, и, главное, ее роль.

И как только будет возможно такое, ничто не будет как бы говорить об остановке. И все даже будет продолжаться дальше и дальше. Ну а пока... Пока наш индивид еще как будто пребывает в некоем состоянии затуманенности. И затуманенность эта вызвана как раз неким его пространственным мышлением, которое как будто и не говорит больше ни о чем, как лишь о том, что должно существовать нечто, что позволяет делать его существование более сносным. И если и понимать что-то, то как вроде бы только лишь настолько, насколько позволяет сама призрачность его существования. Потому что нет ничего более загадочней, чем существование тайны, вызванной воображением индивида. И тайна эта – сама (последующая) жизнь индивида. Когда он должен делать нечто, что, быть может, ему совсем и не хочется. Но что он делать обязан в соответствии с обязанностями, которые возлагаются на каждого в жизни его в социуме. И быть может обязанности эти ему совсем даже и не нужны. Но он не в силах избавиться от них. И тогда он все равно продолжает жить, потому что у него существует нечто, что позволяет ему справиться с возложенным на него давлением. Ибо у такого индивида есть мечта. И именно в мире отличном от реального он может отыгрывать собственные фантазии разума. Фантазии, далекие быть может от того, что в действительности необходимо индивиду. Но несомненно важные для него. И ничто не

может больше поколебать уверенность его. Как ничто не может поглотить его стремления поскорее закончить с некими невидимыми (и, по сути, мало понятными ему) характеристиками; дабы только поскорее очутиться в том состоянии, в котором пребывал он даже не по сей день, а лишь когда-то.

И если уже случается это так, то тогда перед нами существование чего-то, что может привести к вторичному перерождению. Индивида. Вторичному – потому что первичное уже состоялось, когда родилась в нем мечта.

Глава 6. Почитание

Почитание на первый взгляд настолько желанно для обретения в душе кого-либо, что такая характеристика данная другому поистине заслуживает удовольствия быть присовокуплена и к себе. Потому что почитание стоит в одном ряду и с признанием. Да и наверняка так получается, что если мы почитаем кого-нибудь, то тем самым заслуженно воздаем ему те почести, на которые быть может он и не хотел рассчитывать, но которые по нашему мнению непременно заслуживает.

И тогда уже почитание есть самая неременная истина, величие которой уже само по себе – что оно есть. И почитание, конечно же, будет несравненно важна и для самого индивида. И как того, в отношении кого мы высказываем это почитание; так, наверное, в отношении и самого индивида. Да и как может быть иначе? Ведь почитание, как мы уже заметили, есть акт признания. А значит и тот, кто признает, и тот, кого мы признаем таким вот образом – имеет как минимум все основания возвыситься в собственных глазах. И ничто не может сравниться с величием момента. И душа радуется вместе с ним. Потому что сам акт признания можно сравнить с пожеланием самого что ни на есть счастья. И пожелание искренне радости тому, кому мы оказываем почитание. Что, конечно же, хотя бы частично отдается и на нас.

Глава 7. Уныние

Я могу сказать, что уныние столь мрачная категория, что несомненно она вытягивает за собой множество неприметных мрачных моментов, которые – так уж получается – как бы обозначают суть одного и того же. То есть по большому счету, ничего хорошего. Но уже верно и то, что это, конечно же, проявление жизни. И уже потому, я могу заметить, что вполне, разумеется, мы будем являться свидетелями смены подобных категорий. И в масштабности это будут, конечно же, изменения от иной раз быть может и ярко выраженного негатива – к позитиву. К тому, что уже

своим существованием, возможностью своего существования, как бы говорит о том, чтобы признать за истинность ряд неких подобных моментов.

Но мне бы хотелось предостеречь здесь доверчивого индивида, ибо вполне случается и так, что уныние это лишь маска. И оно несколько не отражает истинное состояние души индивида. Тогда как случается конечно же и наоборот, когда за внешней веселостью и даже беспечностью скрывается самое настоящее уныние. (Вернее, наверное, тревога – а уныние лишь как следствие ее).

И действительно. Встречаются люди как бы изначально запрограммированные на неудачу. Притом в реальности – сама неудача может у них и не встречаться (или происходить весьма редко). Но они как бы чувствуют себя «более уверенно» - когда позиционируют себя как неких убогих личностей; уже как бы изначально достойных снисхождения и жалости. И при этом желают все, чтобы окружающие именно так и считали.

И вот тут я могу заметить, что психика таких индивидов уже как бы изначально настроена на сожаление к ним. На испытывания сожаления (у окружающих). При этом, конечно же, они сами должны ощущать, что окружающие к ним относятся именно так.

И вот если это действительно происходит так, то тогда уже конечно такие люди испытывают некое тайное внутреннее удовлетворение. В их мозгах как бы все становится на свои места. И что самое главное – исчезает тревога; которая повсюду сопровождает таких людей, и, собственно, видимо и является катализатором их поведения. Я могу даже сказать, что такие люди именно не только наделены какой-то особой интуитивной тревожностью (или тревогой возведенной в ранг интуиции), но и даже в какой-то мере гордятся похожим состоянием. Им нравится, что это так. Нравится иметь некую «фору» в отношениях с окружающими. И они, бесспорно, будут всячески отстаивать свое «право» пребывать в таком состоянии и в дальнейшем. Ну а почему бы и нет?

Немного труднее приходится тем, у кого маской является именно веселость. А уныние – печальным спутником их жизни.

Такие индивиды во всех жизненных ситуациях стараются видеть только хорошее. При этом уже изначально зная что «все плохо». И видимо признать что это в действительности так – им мешает все та же тревожность (столь глубоко проникшая в них, что уже кажется что с ней они родились).

Однако, по большому счету, сводить все к тревожности быть может и не стоило бы. Но непременно одно: что-то в психике таких индивидов существует такого, на основании чего они просто не могут вести себя иначе. И их устраивает как раз такие поведенческие мотивы, какие они и позиционируют. Но, опять же, вернувшись к унынию, я могу заметить, что само по себе уныние может быть также вызвано и предрасположенностью индивида к негативному восприятию действительности. Чтобы он ни делал, но чувствует себя «спокойно» только если смотрит на мир

как бы «обреченными» глазами. И даже если старается «улыбнуться», то это больше происходит в его душе, чем реально становится заметно окружающим.

Глава 8. Утверждение

Утверждение еще одна категория, с которой индивид постигает Бытие.

В какой-то мере от утверждения можно по ассоциативному ряду дойти до категоричности. Притом что они в некоторых моментах могут выступать и в роли симбиотических братьев. Да и вообще тут явно намечается синонимическое родство, за малым исключением, так как утверждение все же еще не есть категоричность, тогда как категоричность это уже почти всегда предполагает утверждение.

Утверждение вероятно свойственно в какой-то мере беспринципным людям. С некоторым внутренним недовольством относившихся к категоричности. И наверняка само по себе утверждение уже предполагает изначальную уверенность в каких-то вопросах. Притом что иногда такой уверенности может и не быть, а имеется лишь видимость ее. Но мы же знаем, сколь часто индивид с легкостью подменяет реальное – вымышленным. Притом что мы также знаем, что это не только «не плохо», но и несет в себе исключительно позитивную направленность по отношению к индивиду. Т.к. предоставляет ему ту «отдушину», благодаря которой он быть может вообще может существовать. Но тогда уже и само по себе индивид может быть «многим обязан» утверждению. Ибо если он избрал для себя следование подобной категории, то он как бы вынужден подстраивать под нее свою жизнь. А значит – даже если ранее он был не таким – то теперь надевает на себя маску другого человека. С совсем другой личностью. И уже следует «по жизни» в дальнейшем именно с подобным (новым для него) «видением» обстановки.

И это, хочу сказать, в иных случаях помогает не только действительно сделать жизнь иной, но и использовать подобное отношение к действительности для решения каких-то новых для себя вопросов и ранее недоступных проблем.

Глава 10. Надежность

Надежность является последней из рассматриваемых нами категорий в этом разделе.

По своим характеристикам надежность вполне может относиться к той новой личности, которую принял наш индивид после следования категории «утверждения».

Но уже сама по себе надежность привносит в понимание жизни (бытия) и нечто новое; так как она служит категорией человека, который является надежной опорой другим. А значит в выборе той же дружбы, общения, да и просто каких-то рабочих отношений, именно надежность служит тем особым качеством, которое подсознательно притягивает других. И это притом, что сама по себе надежность не возникает просто так. Это одно из последних звеньев длинной цепи человеческих взаимоотношений. Являющееся столь значимой категорией, что обретение надежности есть, быть может, великая мечта. Но уж наверняка это почти апогей развития. Точка, к которой необходимо (и следует) стремиться. Потому что иной раз случается, что для отдельных категорий индивидов надежность подменяет собой вершину; порой недоступную вершину. И все это при том, что без самой категории надежности, конечно же, невозможно и вовсе жить. Ибо намного было бы удобней для нас иметь дело с индивидом, буквально расточающим надежность, чем с тем, который сам по себе неуверен, и от него неизвестно чего ожидать. (О неуверенности мы еще поговорим). Да я и сам двумя руками буду за того, кто покажется мне надежным. Ибо следует признать, что такие люди притягивают других. Магически притягивают. Ибо жизнь распорядится так, что самих по себе надежных людей ничтожно мало. А как мы уже выяснили, надежность практически есть уверенность. И человек, который и надежный и уверенный, конечно же, подсознательно притягивает к себе. Он располагает к себе. А значит, находясь рядом с ним, другой индивид может быть уверен, что сможет реализовать какие-то скрытые (и непременно имеющиеся в нем как и в ком-то другом; иной раз мы просто боимся в этом признаться) желания. Например, тоже желание внутренних свершений, достижений, даже быть может нравственного самоочищения. И тогда уже этот другой индивид будет использовать нашего индивида именно в качестве неотступного спутника своему сознанию. А его психика будет возвышаться таким образом. Ибо бесспорно мы всегда невольно обогащаемся богатством другого. А психически гармоничная личность почти всегда источает богатство и какой-то недоступный большинству внутренний комфорт и уют. И, конечно же, это одна из причин того, что люди источающие надежность неосознанно близки большинству из нас. У них может быть негласное непонимание только с теми, кто обладает качествами, схожими с ними. Ибо в данном случае мы будем наблюдать неких однополярно ориентированных индивидов. Что – как известно – отталкивает их друг от друга.

Глава 11. Неуверенность

1

Неуверенность, как мы уже заметили, есть нечто, что мы можем по праву отнести к известным свойствам, присущим индивидам. Причем как верно, что под такую категорию

подпадают не все индивиды, которым неуверенность как будто присуща от рождения (хотя, по всей видимости, это все же больше метафора, так как неуверенность, как и любая другая характеристика индивида, больше относится к приобретенным понятиям).

Говоря о неуверенности, я должен заметить, что присущая некоторым людям неуверенность служит для них ничем иным, как способом и жизни, и вообще – выживания. Ибо получается, что позиционируя самих себя как неуверенных личностей, они тем самым обретают некий внутренний защитный статус, который как бы оберегает их.

Люди вообще бессознательно жалеют таких индивидов. Всячески стараются выказать им доверие и продемонстрировать свое расположение. Тогда как, конечно же, неуверенность сама по себе может еще и не являться чем-то синонимичным слабости. Ибо, как ни странно, неуверенность может таить в себе и силу. Ту скрытную силу, которая не всегда угадывается на первый взгляд, но непременно существует. А незаметность ее для других часто сводится к причине распространения неких стереотипов, которые накладывают свой незримый отпечаток на существование индивидов в социуме, вынуждая иной раз руководствоваться в своей жизни сугубо шаблонными нормативами.

И, конечно же, неуверенность иной раз выказывает почти удивительное почтение к тем категориям бытия, в которых видит некую приемлемость (точнее, родственным которого оно является).

Я вообще могу заметить, что некоторые категории самым удивительным образом с собой гармонируют. Вероятно может это объясняться тем, что у некоторых из них одинаковые корни. И что уже несомненно – внешний путь (в служении индивиду). И тогда уже ничто не может отвлечь их от следования одному и тому же, служа невольным и взаимодополнением друг другу, и взаимоисключением. Хотя последнее наблюдается нечасто. Ибо уже как бы изначально противоречащие друг другу категории не соприкасаются. А если между ними и может быть какая-то связь, то только лишь из-за того, что на самом деле категорий, характеризующих бытие индивида несравненно больше того, чем мы даже можем предположить.

2

Конечно, неуверенность можно считать поистине удивительной характеристикой. Происходит так, что для индивида быть неуверенным может и единственная защита от жестокости внешнего мира. Ну, получается, что окружающие иной раз и избегают неуверенного индивида. Ведь еще обстоит дело так, что наша психика способна проецировать какие черты: с одного индивида на другого. И вполне может случиться, что через время общения с таким индивидом (неуверенным), эта его самая неуверенность неосознанно передается и нам. В результате чего мы делаем ряд поступков, ранее нам не свойственных. А значит это вполне может напугать иную неустойчивую психику, заставив (или уже в данном случае – вынудив) совершать поступки,

которые ранее этот индивид всячески старался избегать. А сама неуверенность в данном случае торжествует победу. Ибо перед нами явно пример того, как некая невзрачная особенность устройства психики, одна из категорий сознания, начинает явно поглощать другие, которые (только чтобы не соприкоснуться с ней) готовы пожертвовать своими ранее установленными позициями.

Ну а сам наш неуверенный индивид быть может в глубине души своей чувствует себя очень даже уверенным. И тогда уже неуверенность его в иных случаях даже и привычка. Как, впрочем, и многие т.н. отличительные черты человека, которые при ближайшем рассмотрении оказываются лишь маской. Но и с ними не так-то и просто ему расстаться, так как некоторые из них уже словно и срослись с ним. Пример – неуверенность, от которой не так-то просто избавиться, даже если бы индивид пожелал того.

И это притом, что в иных случаях – не желают. А даже быть может наоборот, всячески стараются казаться еще более и более неуверенными, застенчивыми, как говорят в народе «невзрачными». И в большинстве случаев это действительно защитная маска. Ибо копни поглубже – и они оказываются другими. А вообще, практически любого индивида можно программировать. Достаточно точно и планомерно насаживать ему посредством информационного влияния (радио, телевидение, интернет, индустрия кино, мнения окружающих и прочие акты воздействия) определенную информацию; возвращая в свою очередь в нем определенные психические характеристики, - и таким образом программируя индивида. «Вынуждая» (и фактически заставляя, отличие от простого приказа в данном случае в том, что индивид в результате психопрограммирования будет сам желать совершить подобное, т.к. это исходить будет как бы от него, и являться его желанием) совершать действия, в результате манипулирования с информацией закладываемых в его психику. Психику, которая необычайно подвержена влиянию. Причем любая психика; психика любого индивида. Просто существует некий особый код, на который реагирует тот или иной индивид. Причем, это, опять же, исключительно с учетом развития современной науки о психике становится возможным в нынешний век развития цивилизации. И посредством информационного поля вполне возможно формировать те или иные категории бытия индивида, вторгаясь в его психику, и посредством планомерных манипуляций заставляя индивида совершать то, к чему быть может раньше он и не был бы готов. И вот тут как раз уместно вспомнить о неуверенности. Ибо наверняка получается так, что в большинстве случаев, чтобы следовать подобной категории и не меняться, индивид должен по возможности оградить свою психику от действия какого-либо (наносного) информационного поля; информационного влияния. То есть другими словами, для него наиболее оптимальным будет являться погружение вглубь себя. Да и вообще, если разобраться, для любого индивида это самое желанное что вообще может быть. Ведь в таком случае он наиболее огражден от влияния извне. А значит его психика максимально позволяет раскрыть те качества, которые ей присущи. А это быть может и есть самое главное.

Часть 4. Априорность

Глава 1. Мнительность

1

Категория мнительности одна из самых болезненных для индивида. Потому что нет ничего мучительнее переживать за то, что, в общем-то, никогда и не происходило.

Но даже если допустить, что хоть малая часть и может являться правдой, то она наверняка в большинстве случаев будет незначительной, что переживание от нее (от этого несуществующего в реальности, а только лишь в подсознании индивида) вытесняют многое, что могло бы являться нужным, позитивным, желанным, заставляя обращать внимание на вовсе несуществующие моменты, которые в какой-то мере теперь направляют жизнь индивида. Заставляя его следовать по пути, который как будто и выбрал он сам. Но на самом деле, это больше, конечно, навязываемый ему путь. Но с которого он уже не может сойти. И это, в свою очередь (вполне можно предположить) приносит ему немало разочарований в его жизни.

Попробовали бы вы хотя бы периодически совершать поступки, ранее вам не свойственные. А теперь представьте, это происходит постоянно. И вот в таком «вынужденном» режиме существования наш индивид проводит свои дни. И ему как будто бы и не на что надеяться, кроме как на самого себя. Но ведь это и, несомненно, мучительно больно для самого индивида. Но выхода, конечно же, нет.

Мнительности, наверное, даже уверенно живет самой по себе. Непременно она возвышается над другими. Ибо уже как бы изначально несет в себе заряд несогласия с окружающими. Вынуждая этих самых окружающих или отвергать их (что встречается реже), или же подстраиваться под них (что распространено наиболее). Хотя и уже, наверное, какое-либо подстраивание под чье-либо мнение есть само по себе не очень легко. И, замечу, наличие в индивиде мнительности уже как бы предполагает, что этот самый индивид будет подстраиваться под чье-либо мнение. Под мнение окружающих. Притом что, конечно, ни самим окружающим, ни тем более у мнительного человека, от этого ничего не меняется. Потому что он уже как бы изначально видит в каждом что-то типа врага. И ему кажется, что его окружают почти исключительно враги. Потому-то и живет такой индивид больше во враждебном мире. И ему кажется, что мир настроен против него. И во всем даже нейтрально-безразличном такой человек

видит исключительно недоброжелательный настрой. Везде ему мерещится зло. Но вот можно ли сказать, что зло уже изначально предполагает мнительность? Нет. Так говорить нельзя. Так же как нельзя приписывать мнительности ряд совсем не свойственных (в данном случае нашему индивиду) характеристик. Да и саму мнительность следует рассматривать не иначе как некую априорную характеристику. Ибо если она и есть, то вполне можно предположить, что индивид самым независимым (порой и от себя) образом ее скрывает. Талантливейшим образом скрывает. Ибо он попадает под действие неких стереотипов, которые – накладывая свой отпечаток – вынуждают его следовать тому или иному поведенческому мотиву. Ну и при этом, конечно же, мнительность более чем пагубно сказывается на взаимоотношениях индивида с обществом. Подвергая такого индивида дополнительным нагрузкам в плане адаптации к этому самому окружающему миру.

И действительно, порою нет ничего более мучительного, чем действовать под насаждающим давлением этой самой мнительности. Которая порой устает сама от себя. Потому что если только предположить, что накапливаемая энергия от мнительности (а это ведь как никак требует особого рода напряжения) должна находить какой-то выход. Ну, предположим, она скапливается в одной (предполагаемой) точке, и тогда, как говорится, ждет своего часа. Но предположим далее, что такой час наступил. И тогда происходит как бы единый выброс этой самой энергии. А значит как бы множится волна распространения (выход энергии), которая рассеивается, достигает иных категорий Бытия, вероятно, оказывая на них влияние.

И уже можно говорить, что сама мнительность как подчиняет других, так и – что вполне логично – сама подчиняется. И перед нами после взрыва, наблюдается некий остаток, который, вероятно, уже и будет та самая мнительность, которая оседает в психике индивида. Притом что, если даже предположить, что сам индивид этому всячески сопротивляется, то и тогда несомненно (ликвидировав самоиспаряющийся участок) что-то все-таки остается, т.к. не подчинено действию ни времени, ни пространства. И этот факт тоже обязательно необходимо учитывать при выявлении характеристики мнительности; характеристики как категории бытия. Структурированное начало коей подчинено (почти подчинено) единому принципу, на который обязательно следует обратить внимание, если мы решили разобраться в мнительности.

2

Мнительность, как мы уже заметили, невероятно пагубно сказывается на самом индивиде, не только вынуждая его подчиняться ей, но и заставляя в соответствие с этим корректировать свою жизнь. Внося в нее соответственно иной раз новые лейтмотивы. Более чувствительные к изменениям окружающей обстановки. Но это, наверное, было бы еще совсем ничего в сравнении с тем, что именно мнительность накладывает на индивида порой невосполнимый отпечаток, всецело

подчиняя его своей структурной политике. То есть получается, ему уже как вроде бы ничего и не остается, как только подчиняться тому непререкаемому авторитету, что сидит внутри него. И он не только подчиняется этой силе, но и – получается – должен самолично всячески поддерживать ее. Лелеять и даже возвращать в себе. Потому что он с ней и действительно настолько слился, что уже как вроде бы и не мыслит себя иначе. И получается, что наш индивид попадает (из-за своей мнительности, вернее – из-за возможности наличия в себе мнительности) в некую зависимость по отношению к данной категории бытия. И редко когда ему удается от нее избавиться. Да в большинстве случаев это и попросту невозможно. И тогда уже вполне можно это отнести (оправданное наличие подобного) и к следующей рассматриваемой нами категории.

Глава 2. Судьба

По всем характеристикам судьба (то, что можно отнести к данному понятию) более чем претендует на самостоятельность. И так получается, что большинство поступков у большинства индивидов проходят под знаком как бы и независимости их от каких-либо иных качеств, если только это не судьба. Независимость от судьбы. Потому что получается так, что «судьбоносность» многих моментов нашего бытия очевидна. А для кого-то – и более чем очевидна. И случается так, что то, что можно отнести к судьбе – и есть порой единственное более-менее уверенное объяснение происходящих в жизни индивида событий. Тогда как на самом деле вполне может получиться так, что в большинстве случаев в его жизни ничего и не происходит. Или же наоборот, причина происходящего настолько очевидна, что как вроде бы и не следует искать каких-либо иных возможностей обоснования. Но случается, теряется даже в явном. И нет ничего неприятнее для него, кроме как запутаться в очевидном. И при этом, конечно же, он может совсем даже и не считать так. Притом, то, что (и как) на самом деле индивид полагает, что что-то происходит, главным образом лежит в зоне не востребовавшего. И ничто порой не в состоянии расставить правильные акценты: почему подобное происходит. Притом что, случается иногда и вовсе не следует чему-то придавать внимание, ибо на это внимание и ничто не ведет, или же и вовсе – изначально (к нему) как будто бы не предрасположено. Причем, конечно же, в большинстве случаев индивид даже не предполагает что это так. Ибо многое находится как бы изначально вне зоны его восприятия. Восприятия его внимания. Ибо целиком и полностью подчинено бессознательному. И тогда уже вполне возможно, что именно оно довлеет над личностью индивида. Подчиняя его сознание. И словно бы интегрально проецируется относительно складывающегося бытия индивида. Подчиняя, зачастую, столь прочно своей силе, что уже как вроде бы и нет никакого способа высвобождения от этого. И приходится порой не предпринимать такие усилия, от

которых и пользы-то никакой не происходит. А случается как вроде бы и чуть ли не явный вред. Хотя вред уже как таковой, конечно, произойти тоже не может. И даже если случается нечто такое, то следует обратить внимание совсем даже на иное. На что? В этом в какой-то мере и скрывается загадочность нашей жизни. Но говорить, что все поступки (и вообще поведенческие мотивы) управляются судьбой – наверное не совсем верно. Ибо на самом деле сама жизнь намного сложнее, чем ее можно представить. А судьба... Судьба это столь априорная категория (быть может самая априорная из всех представленных в этом разделе), что ни какие-нибудь утверждения, ни категоричность и вовсе неуместны. Такого просто не должно быть. Ибо это как бы уже изначальная ошибка. Притом что как раз судьба необычайно лояльна ко всевозможным попыткам, домыслам, стремлениям. И даже возможности, которые она таким образом предоставляет, уже к самим по себе возможностям порой и не относятся. Ну разве что, к попыткам этих возможностей. Но тогда уже это и не совсем как будто бы может относиться к ведению того, что именуется судьбой. Вернее, уже как будто бы и не совсем относится к пониманию ее. Ибо уже то что может включать в себя понимание – простирается значительно шире каких-либо пространственных ориентаций. И даже в ином случае выпадает из введения каких бы то ни было пространственных отношений. Ибо уже как будто бы изначально значительно шире этого. И даже если бы имелось у нас намерение присовокупить это хоть куда-нибудь, это было бы весьма и весьма ошибочно делать. Ничто так не подвластно судьбе, как желание индивида найти какое-либо обоснование существования ее. И с одной стороны такое обоснование вполне как может быть и возможно что существует, но с другой стороны – не существует уже изначально. Получается, что судьба совсем как вроде бы и не подчинена изначально какому бы то ни было пониманию. И словно по наитию своему она двигается в направлении совсем как будто ей и не свойственном. Тогда как само понимание есть непреложная сущность вещей. В том числе и того, что мы можем отнести к судьбе. Ибо судьба (как более общее понятие) требует все же какого бы то ни было ясного объяснения. Но мы все же вольны понимать ее более абстрактно, чем с надеждой на какое-то более-менее приемлемое понимание. Да и сама наша жизнь как будто бы всецело предрасполагает именно к этому. А если нам даже и становится что-то непонятно, то наверняка так случается не из-за того, что это действительно непонятно, а именно потому, что в зону нашего восприятия вступают те силы, которые как и будто бы мешают более ясному видению ее. Сознание затуманивается. И индивиду приходится делать выводы, которые в большинстве своем ему и не свойственны. Не свойственны ранее. Но теперь же у него уже как вроде бы и нет иного выхода, кроме как следовать какому-то пониманию, ранее быть может и казавшимся ему удивительным. Причем (случалось) настолько, что он бы внезапно и удивился бы, услышь сейчас нечто похожее. Но, конечно же, в полной мере подобное раньше никогда и не происходило. Ибо, как будто бы что-то все же удерживало индивида от совершения поступков, как будто и не свойственных проецированию его

сознания на окружающий мир. Ибо наверняка уже и раньше намечались какие-то противоречия, суть которых часто выпадала из контекста прозаичности бытия.

Ну а если спросить нас: как возможно тогда вообще какое-либо понимание?- то ответить можно, что как такового понимания никогда и не происходило. Была, вероятно, надежда на него. Существовало какое-то предчувствие. Зиждились на небосклоне сознания, быть может, какие-то позиции. Которые только на первый взгляд могли соотноситься с истинностью, а на самом деле представляли собой ничто иное, как самую что ни на есть ложность понимания. И чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, порой требуется невероятно больше, чем достаточное для того, чтобы признать существование судьбы как бы априорно. Без необходимости задействования каких-либо доказательств. Да и сами доказательства не иначе чем фантомная составляющая того же бытия; ибо реального доказательства и не существует вовсе. А какое-либо доказательство лежит на изначальном принятии каких-то положений на веру. Причем, опять же, говоря о судьбе – достаточно трудно удержаться, чтобы не предположить, что для индивида ничего так неподвластно (и желанно), как разгадка судьбы. И достаточно существует теорий на этот счет. Но я вряд ли могу согласиться хоть с одной из них, кроме как с той, что нам совершенно не дано предугадать, что с нами случится даже сейчас. А потому я вполне могу принять (в соответствие с этим) и утверждение церковной апологетики, склонно соотносить все, что касается судьбы, Божественному началу. Ну а почему бы и нет, если опровергнуть это невозможно. А доказательства простираются в области логических умозаключений о наличии некой высшей силы, управляющей нами. Если даже и нет такой силы, то кто-то должен быть уверен в том, что он сам в состоянии управлять своей судьбой. А он (никто!) не может. Может лишь направлять ее, вносить, быть может, какие-то коррективы в соответствие с теми предрасположенностями, которые угадываются в нем. Но почти не более того. Ибо в одночасье может произойти нечто, что разом опровергнет выстраиваемые (индивидом) модели существования бытия. Поставив под удар все его нелепые теории и проч., что, конечно же, непременно способствует больше запутать, нежели чем реально подтвердить (как и опровергнуть) какую-либо теорию. Да это и верно, т.к. какое-либо понимание этого выходит за рамки самого понимания; а любые доказательства (или отрицания) зачастую и вовсе неуместны. Ничто не может быть просто. Да и стремиться к простоте, порой, есть более чем явная ошибка. Ибо сама по себе простота, быть может, лишь какое-то одно видение ситуации. Тогда как – взглянув иначе – можно и увидеть что-то иное, и открыть для себя нечто большее. И уже подытоживая, могу сказать, что во всем, что касается своей судьбы, индивид бессилен. Как говорится: понимания не может быть – потому что не может быть никогда. (Хотя и достаточно ошибочно проявлять хоть в чем-то какую-либо категоричность. Ибо стоит взглянуть на ситуацию с другой стороны, и все уже начинает выглядеть как будто бы и вовсе иначе. Ну а что тогда?)

Глава 3. Желание

Я не ошибусь, если замечу что желание (любое из всевозможных; хотя бы одно) наличествует в индивиду всегда.

Различные желания могут различаться между собой. Могут «требовать» соотнесения себя с чем-то одним, тогда как на деле могут относиться и к совсем даже чему-то другому. И ничто (а это также верно) не подвластно нашим желаниям. Уже хотя бы потому, что можно подчинить себе какое-либо одно из них, но и тогда уже почти наверняка судьба возьмет реванш в другом. Потому как психическая энергия (находящая выход с помощью реализации желания) вероятно удивительным образом накапливается в самой психике индивида. И требует выхода. А если по каким-то причинам этого выхода не происходит, то она (энергия) обращается на самого индивида. Находя выход, например, в той же психосоматике (психосоматических расстройствах).

Можно конечно сказать, что возникновение любого желания поистине уникальное явление. Причину появления его следует искать почти исключительно в нашем бессознательном. Именно там, где накапливается информация, собираемая как в течении жизни, так и передаваясь филогенетическим путем, зарождается начало того, что в последующем неким чудодейственным образом трансформируется в наше желание. В желание индивида к совершению тех или иных действий для претворения его. И уже, пожалуй, в реализации желания, в воплощении его, порой и заключается главная трудность. И это как раз и есть начало многих проблем для индивида. Например, не воплощенные (в действия) желания, случается, приводят к развитию и обострению различных психических заболеваний. Невротического, истерического, или психопатологического характера. Психическая энергия, не находя реального воплощения, превращается к симптом, который в последствии и приводит к развитию психопатологии. Поэтому, конечно, в этом плане как раз желание (наличие желания) может для индивид сыграть и негативную роль. Что, опять же, минует творцов. Т.к. благодаря такой защитной инстанции психики как сублимация, симптом переходит в тот же невроз, например, но затем дальнейший характер заболевания девальвируется, так как он трансформируется в творчество. Индивид как бы переносит собственную психопатологию на страницы создаваемых им произведений. Наделяя своими заболеваниями (эффект переноса) героев собственных произведений. И это может быть самое счастливое, что вообще возможно при такого рода заболевании. Ибо уже и заболевания как такового нет. Да и оно служит возможности индивиду творить, создавать художественные и научные произведения, писать картины, создавать музыкальные произведения. Причем здесь просматривается удивительная закономерность: чем развитие симптоматики проявляет себя четче, тем больше у

индивида проявляется способности к творчеству. И связь здесь очевидна. Индивид как бы вынужден избавляться от скапливавшейся в нем психической энергии. И выход ей находится как раз в творчестве.

Ну и конечно же нельзя забывать, что само по себе желание не может возникнуть, как говорится, просто так. По всей видимости этому предшествует целая сеть закономерностей, каждая из которых претендует на то, чтобы считаться главной. И уже так выходит, что прослеживая истоки возникновения того или иного желания индивида, мы можем добраться до самой, как говорится, изначальной причины их возникновения. Ну и, далее, уже в соответствии с открывшейся нам причиной, мы способны узнать об индивиде значительно больше того, чем он, быть может, способен нам сообщить. Ну и вполне возможно, знает сам. Потому как, опять же, как известно, причины желаний скрываются в подсознании. Порой – глубоко в подсознании. И извлечь их оттуда может только такой же глубокий анализ. Ибо, получается, что удастся иной раз по мельчайшим деталям, намекам, оговоркам – восстановить более-менее реальную картину происходящих в жизни индивида событий. Ну а по ним уже создать представление и о самом индивиде. Ибо что как не поведение его лучше всего нам говорит о нем самом. Также как поведение способно уже предсказать нам некую модель, в соответствии с которой (с более-менее долей вероятности) все последующее поведение индивида будет подчинено характеру поступков, уже совершаемых этим индивидом. Также как и возникновение желания практически однозначно будет идти в контексте уже существовавших ранее в индивиде желаний. Ну, конечно, какая-то доля исключений возможна всегда, но, большей частью, вся последующая жизнь индивида пройдет без изменений. Разве что ему придется намеренно вытеснять свои желания; как бы блокировать причину их возникновения; ну или давать развиваться (т.е. переходить в симптом), но – сублимировать в творчество. И это, как мне видится, действительно выход.

Глава 4. Надежда

1

Надежда, наверное, одна из самых желанных категорий бытия. Это то, что оказывается приемлемым абсолютно для всех. Надежда, можно сказать, способна продлить существование индивида. А то и вообще вернуть его к жизни. И я могу уже сказать, что зачастую именно от наличия, от развитости в индивиде надежды, становятся (в последующем) доступны для индивида многие свершения.

Надежда, формируясь все в том же бессознательном, неким чудодейственным образом обнимает собой также и сознание. И, зачастую, способна она (со временем) превратиться в некую

отдельную (и невероятно значимую для индивида) составляющую его уклада психики; являя собой пример чего-то по особому важного и нужного индивиду.

Подчинив себе надежду, индивид способен вполне удачно прогрессировать. Он может ставить перед собой цели, достигать их, планировать какие-то новые свершения; да и вообще, наличие надежды находится в прямой зависимости от самого продолжения жизни; тогда как отсутствие ее – явно способно явить собой самые что ни на есть негативные моменты. Отсутствие надежды уже как бы свидетельствует, что индивид находится на последней стадии своего развития, после которого невероятно сложно становится продолжать ему и свое существование. Да и это может быть и вовсе невозможно.

И потому, для любого человека расстаться со своей надеждой практически означает ступить на порог смерти. Ибо не будет уже существовать ничего, что оправдывало бы его существование. Что укрепило бы его силы (а надежда постоянно укрепляла силы, бесперебойно снабжая индивида энергией для продолжения дальнейшей жизнедеятельности), что дало бы, быть может, надежду жить. И все это становится возможным именно (и только) благодаря наличию в индивиде надежды. И совсем не может быть никак иначе.

2

Вероятней всего, периодически в индивиде должно возникать желание как-то или подчинить себе надежду (заставив ее находиться рядом с ним постоянно), или же наоборот – каким-то образом абстрагироваться от нее.

Конечно, второе возможно менее всего. Да и для наличия первого необходимо должно развитие таких характеристик, как воля, характер, уверенность и проч. И все же в истории вполне случались примеры, когда индивидам удавалось существовать словно бы и независимо от того, есть ли рядом с ними надежда, или ее нет.

Нельзя, конечно, сказать, что им так-то уж удалось подчинить эту самую надежду. Скорее всего, они смогли заменить наличие ее – развитием других каких-либо характеристик бытия. И здесь вполне возобладал открытый Альфредом Адлером принцип развития одного – в ущерб другому. В результате чего часть функций одного перешло к другому. Но и при этом достаточно тяжело судить, насколько это оказалось действительно желанным для самого индивида. Нет, конечно же, ему удалось подобным образом решить проблему. Но ведь чрезмерная нагрузка на один орган, как известно, приводит к значительной перезагрузке его. И верно, что достаточно продолжительное время он существовать не может. Так, подменить на какое-то время. Ну, быть может, если на себя берут его функции не один, а несколько (причем одновременно, так что он уже почти равномерно распределяется на них), то тогда быть может и возможно какое-то относительное долголетие. Ну и все же я придерживаюсь мысли, что надежда должна существовать. Также как

быть может и ничто не должно подменять ее. Гораздо лучше (для индивида) попытаться правильно расставить акценты. Сформировав именно ту надежду, которая будет являться достаточно приемлемой и оптимальной уже для него. Это все же более реальное (и позитивное для самого индивида) развитие отношений между внутренней психической составляющей индивида и его связью с внешним миром. Потому как надежда – в этом случае – будет способствовать и дальнейшему развитию, и дальнейшему существованию индивида. Как говорится, вообще в его жизни. Да и не только его жизни, но и являться стимулом свершений в этой самой жизни.

И наверно по своему это было прекрасно. Потому что надежда являло поистине уникальное чувство. И каждый индивид уже неосознанно старался сохранить его в себе. И даже если случалось, что какая-то надежда исчезала – на смену ей почти сразу приходила другая. Причем в момент существования первой, большая часть индивидов и не подозревает, что где-то в глубине их подсознания (а может и уже на границе с сознанием) скрывается что-то еще. И непременно, когда создается критическая ситуация (это для индивида, а для надежды – когда «предоставляется возможность»), та, другая надежда, как бы достаточно быстро заменяет исчезнувшую. И пусть так происходит не со всеми индивидами. Но уже и это наверняка позволяет свидетельствовать о некоем психическом состоянии индивида. Потому как только у уж очень мрачных и закрытых людей с надеждой обстоят настоящие проблемы. Потому что надежда у них, конечно же, есть. Но вот на то, чтобы извлечь ее, зачастую требуется время. И какое никакое но одиночество (изначально погруженные в себя люди практически не должны предпринимать подобные шаги пока находятся в сфере внимания других, ведь им все же необходимо остаться наедине с собой). Ну а тем, у кого никакой надежды больше как будто и нет (если по каким-то причинам они расстались с надеждой первой), стоит сказать, что это, конечно же, не так. Психика индивида как бы уже изначально устроена таким образом, что надежда существует. И будет существовать независимо от желания. Или не желания человека.

Глава 5. Сладострастие

Вот уж поистине, о чем можно было бы и вовсе не писать. Ведь я не ошибусь, если предположу что о том, что касается вопросов сексуальных наслаждений (особенно если это касается какого-то отдельного индивида) у каждого имеется какое-то свое представление.

Но что поделать, если достаточно трудно на самом деле совсем избежать подобного вопроса.

И тогда уже мне хотелось бы заметить, что сладострастие одновременно может представлять и великое благо для индивида, и почти такое же зло. Благо,-- потому как дарит наслаждение, почти

несоизмеримое по силе воздействия ни с каким другим (потому как помимо каких-то телесных, физических, категорий здесь затрагиваются и душевные аспекты); а зло – потому что столько несчастий, сколько может причинить для индивида любовь (любовь – как любовные взаимоотношения, выражающие суть и душевного наслаждения и физического) – поистине ничто почти и не приносит больше. Ибо получается так, что несет в себе эта самая любовь (а сладострастие тогда уже, как мы заметили, будет неким следствием любви) ряд порой серьезных проблем для индивида. И о любовных муках и томлении мы уже даже здесь не говорим. Ибо это лишь самое малое из того негатива, который может возникнуть. И гораздо опаснее будут последствия проявления любви (вызываемые необходимостью получения сладострастия), которые – как раз чтобы это сладострастие состоялось – подвигают индивида порой на совершение столь тяжких грехов, что они вполне могут вступать в противоречие и с нормами морали (принятыми на тот момент в обществе; а для разных эпох эти нормы различны. Например в Древнем Риме не считалось общественно порицаемыми и гомосексуальные отношения мужчины с мальчиками, и прочие, что сейчас считаются сексуальными девиациями), и с уголовным кодексом. Но если исходить из того априорного утверждения, что сладострастие – изначально зло, то не намечается ли в этом уж слишком явный субъективизм? И не выглядит ли все (в этом случае) таким образом, что любое упоминание слова «сладострастие» - уже как бы изначально грех? Ведь вполне может быть что и так. Если отбросить, например, чувственное наслаждение (и оргазм, в данном случае, как некий апогей его), то тогда уже выходит, что мы просто обязаны задуматься о тех многочисленных последствиях (негативных уже получается), которые словно сами собой являются следствием этого самого наслаждения. И для индивида (думаем мы, продолжая наши мысли) намного логичнее было бы вообще стремление к какому-то аскетизму. Ибо в таком случае его мысли уже как бы изначально освободились бы от целого пласта тревог и сомнений, являющихся, опять же, непреложным следствием (или уже можно говорить – последствиями) чувственного наслаждения. И как раз для него бы именно это и было благо. И так вполне можно было бы считать, если совсем, конечно, исключить те мысли о сексуальном наслаждении, от которых, быть может, окончательно он никогда не сможет освободиться. Ведь сама психика индивида уже так устроена, что какая-то часть внутренней гармонии должна рождаться именно вследствие сексуальных наслаждений. Хотя быть может это утверждение вполне может быть и спорным, и что наверняка – в случае каждого индивида – индивидуально.

И что точно – совсем исключать его нельзя.

И уже тогда вопрос, что есть сладострастие – зло или благо – наверное, так и должен оставаться открытым. Ибо я уверен, что каждый из нас должен найти на это ответ – в соответствии с собственным миропониманием. И навязывание своего мнения в этом вопросе просто исключается.

Глава 6. Неподвластность

Быть может нам необходимо в изъяснении данной категории отталкиваться от власти. Но мы с вашего позволения пойдем несколько другим путем. И тогда уже я могу заметить, что неподвластность как бы изначально включает в себя некий вызов. Быть может даже вызов и обществу, и, главным образом, вызов мыслям, проецируемым от отдельных индивидов, и уже так или иначе – распределяющихся на всех членов общества. Но лишь отдельные индивиды могут позволить себе бросить этот самый вызов. И тогда уже неподвластность – есть ничто иное, как и неподчинение. Оно не может следовать неким устоявшимся порядкам. И ему даже не то что необходимо что-то изменить, но и прежнее положение принять уже не может.

Неподвластность есть вольность. Быть может даже свобода. И вообще, получается, что эта категория включает в себя нечто всеобъемлющее. То, что с полным правом включает в себя и ряд других категорий, которые в априорном своем проявлении выражают свободу. Но это не безволие. Ибо безволие тоже предполагает свободу. Но свобода в таком случае как бы растворяется в безволии. Сознание индивида не в состоянии принять что-либо одно (для установления в качестве следования внутренним ориентирам). И уже получается, что мы вполне можем наблюдать и некое расслоение свободы. Когда перед нами проходит нечто, что самым что ни на есть таинственно-необъяснимым образом забирает на себя часть (добрую часть) внешней информации, распространяя ее на что-то внутреннее. То, что заключено в каждом индивиде. То, что исходит от него. И таким уже образом мы должны заметить, что неподвластность, свободолюбивость, неприемлемость следования каким-нибудь навязываемым извне положениям - есть действительно категория свободы. Но и нельзя, конечно, сказать, что неподвластность есть такой уж вызов обществу. Вернее, мне бы не хотелось, чтобы это понимали именно так. Скорее всего, неподвластность можно характеризовать как свободу. Ну и тогда уже и как бегство от свободы. Потому что не каждый индивид в состоянии пережить эту самую свободу. Не в состоянии подчинить ее себе. Потому что только подчиняя свободу мы можем рассчитывать на то, что нам будет доступна и неподвластность. Ибо мы будем избавлены от всякого влияния извне. В том числе и от чьей-то воли. В т.ч. и от воли, навязываемой нам со стороны. Другими индивидами. А наша неподвластность будет сродни раскрепощенности. И быть может даже достаточно благоприятно будет сказываться на индивиде. Разве что все же действительно поставит его (уже самим следованием неподвластности) в некое противостояние с действительностью. Ну, так это и не такая уж беда.

Глава 7. Будущность

Будущность достаточно странная категория.

Изначально она предусматривает то, что произойдет как бы в дальнейшем. Быть может минуя настоящее, и оставляя далеко позади прошлое. И вероятно будущность подчинена каким-то логическим законам тех же самых предсказаний. И хотя сами предсказания, конечно же, соотносятся с будущностью постольку поскольку (да и то, только в сознании тех, кто поставил себе задачу проследить взаимосвязь между ними), все же я могу заметить, что они действительно находятся в некоем родстве. Но действительно, зачастую только для тех, кто это самое родство волен замечать. И при этом сама будущность неким таинственным образом (иной раз) способно отбросить нас в прошлое. То есть я, конечно же, волен проследивать некую взаимосвязь между тем, что происходило в прошлом, и, получается, будет происходить в будущем. Но, конечно же, не следует так-то уж сильно надеяться, что в некоем (гипотетическом) будущем произойдут какие-то изменения, если мы сможем выявить закономерности прошлого. Вернее, это так, но не всегда. Иной раз случается, что будущее вообще непредсказуемо. И насколько нам возможно что-либо предугадать? Вопрос этот вообще открыт. Практически ничего и невозможно. А всяческие – как будто бы и совпадающие случаи – есть ничто иное, как инсинуация. Ни больше, ни меньше. И становится возможна она как раз благодаря силе внушения. Которой вольно царствовать над индивидом, конечно же, не считаясь с желанием его.

Да и вообще, тогда уже, если разобраться, будущность, то, что касается этой достаточно эмпирической категории, будет ничто иное – как вымысел. Сон и вымысел. Потому что будущее нам иногда становится возможно увидеть во сне. И тогда уже, если это действительно так, то мы можем быть уверены, что что-то нам и действительно удалось. Правда, тут же уже можно заметить, что подобное происходит и не всегда. И наверняка – не всегда оно верно. Да и может ли быть что-то по-настоящему быть верным больше, чем наше восприятие этой веры. Восприятие, становящейся возможным через ожидание. И наверное уместнее и вообще бы говорить о каком-то неверии. Так было бы, наверное, честнее.

Глава 8. Массовость

Массовость вообще уникальное явление. На первом месте такого явления как массовость – нам следует поставить заразительность. Заразительности вообще подчинена основная масса индивидов, и составляющих, собственно, массовость какого-то явления. Но при этом следует

помнить, что массовость это на самом деле зло. Причем зло настолько укрепившееся в подсознании индивидов, что от него практически и невозможно избавиться. А какое-либо смирение, соглашательство с ним – и вообще оказывается в большинстве случаев необычайно пагубным. Заставляя преодолевать трудности, от которых в большинстве случаев можно было бы избавиться. Быть может даже избежать их. И тем самым даже – спасти себя. Ибо нет ничего лучше, как остаться с возможностью жить так, как считает твое сознание. Сознание еще пока не затуманенное теми многочисленными проблемами, во власти которых находится более зрелая личность. Хотя и, конечно же, говоря о какой-то зрелости, я совсем не имею в виду биологический возраст. Совсем нет. Важно совсем другое.

Глава 9. Фееристичность

Всплеск и сумасбродство – способны подарить нам фееристичность. Способны привести к такому пониманию бытия, которое в нашем случае было бы наиболее оправданным и необходимым. Даже – необходимым. Потому что состояние праздника, которому могут быть не все индивиды причастны – это также верно, как и то, что не для всех праздник может закончиться одинаково. Кто-то может испытывать на себе больше вред, чем пользу. А для кого-то наоборот – такое состояние будет являться праздником. Самым лучшим праздником из тех, которые могут и вообще случиться. Происходить когда-нибудь. И с этим тоже надо считаться.

И все же фееристичность, конечно же, нечто большее, чем вечное ощущение праздника. (Хотя в какой-то мере это только и это).

Я могу даже сказать, что то, что способно подпадать под категорию фееристичности, -- есть также и наше какое-либо видение существующих проблем, к осознанию которых мы подходим некоторым своим иной раз даже и уникальным образом. И тогда уже нет ничего опаснее, чем такое восприятие действительности. И даже если в иных случаях мы можем и опасаться этого, то это на самом деле и не так. Почти не так. Ибо то, что в одном каком-то случае нам кажется именно таковым – в другом уже будет нечто совсем иное. Большим, чем мы даже были способны подумать об этом. И ничего уже здесь ни поделать. Следует принимать все именно с позиции той плоскости, в которой оно пред нами предстает. Также как куда-то исчезает и желание увидеть все это как-то иначе.

Глава 10. Анонимность

А вот это уже совсем загадочное понятие. Хотя и тайна его раскрывается как только представим мы, что на самом деле какая-то анонимность становится возможной в случае, если индивид желает скрыть свое истинное состояние, прячась под маской, под которой бывает порой и невозможно разглядеть его истинную сущность.

И тогда уже анонимность выступает в роли, по сути, страшного понятия. Ибо это только на первый взгляд все просто, доступно, понятно. И логически выверено. Тогда как на самом деле это, конечно же, не так. Не всегда так. И следует пройти какому-то времени, чтобы перед нами открылась истинная сущность того или иного индивида; существа, которое прилагает всяческие усилия, чтобы это не было так. А если даже и считаться с этим не хочется, то мы должны в этом случае просто заставить себя – максимально возможно – раскрыть истинную сущность того или иного события. Событийного момента. Выходящего за рамки привычного восприятия действительности. При которой все выглядит совсем иначе, чем это можно было представить на первый взгляд.

И тогда уже анонимность, конечно же, способствует безнаказанности. И не подпадает под контроль сознания – способно причинять не только боль и страдания, но и доставлять самое что ни на есть беспокойство и для самого индивида, практикующего подобную форму выражения себя, своего «Я». Потому что в конечном итоге наступает такой момент, когда уже невозможно что-то делать, оставаясь безнаказанным. И также как за все совершенные нами поступки когда-то последует расплата, - точно также и причиняемое под маской неузнаваемости зло – таким же злом вернется и назад. Все в природе находится в балансируемом состоянии. И конечно же, если в данном случае мы являемся свидетельством несправедливости в отношении одного индивида – по отношению к другому, то это все вернется ему и обратно. Пусть и в виде какого-то иного вида несчастья, чем того, провокатором которого он является.

И ничего с этим поделать невозможно. Да и, конечно же, не нужно. Хотя мы и должны помнить (и в некотором роде это должно выступить оправданием индивиду, прикрывающемся анонимностью в своих нападках на других), что подобный индивид действует можно сказать и не по своей воле. Он как бы вынужден действовать именно так. Потому что под маской анонимности он скрывает высвобождаемую из подсознания негативность своей психики. Всю ту мерзость, которая скрывается в глубине души каждого из нас. И которая там, в общем-то, и остается. Под властью цензуры нашей психики, «Сверх-Я». В иных случаях функции, которые принимают на себя цивилизация, культура, да и вообще, вся та цивилизованность, которая является исключительно прерогативой светского общества (что почти не означает, что в иных видах общественного устройства дело обстоит как-то иначе. Там, вероятно, включаются несколько иные механизмы. Также являющиеся сдерживающими факторами. И по своему регулирующими процесс заключения зла в рамки защитных механизмов).

Глава 11. Внутренний мир

Внутренний мир одна из важнейших категорий бытия, которую мы, конечно же, должны были давно уже поставить на исключительно ведущие позиции.

Становится это возможным оттого, что то, что скрывается в глубине психики индивида – с одной стороны уникально (и присуще исключительно ему), а с другой стороны – психика всех без исключений индивидов подчинена общим законам. И даже нет необходимости как-то отделять (в этом отношении) психику одного индивида – от другого.

Все едино. И в этом даже нет каких-либо противоречий. Хотя бы потому, что существуют общие законы. И каждый из нас знает, что окажись он в какой-либо ситуации – из нее будет точно такой же выход, какой нашел бы кто-нибудь другой. Нет, конечно, кто-то третий непременно найдет и третий путь. А четвертый – отыщет и четвертый. Но в своей общей массе индивиды будут двигаться по вполне определенному кругу. И в этом как раз ничего странного и нет. А мы, зная законы человеческой психики, вполне свободно можем общаться со всеми. Потому что как раз в общей своей массе психика всех без исключения индивидов подчинена общему сценарию. И задача – узнать этот сценарий. Разгадать тайну устройства человеческой психики. Погрузиться именно в глубины ее. И тогда перед нами откроется достаточно увлекательный мир. И это самое прекрасное, что только может быть.

Нам, конечно же, следует выделить то обстоятельство, что именно внутренний мир индивида является как бы базовой площадкой для размещения различного рода психопатологий и сексуальных девиаций. Но это уже как бы невольное следствие существования внутреннего мира индивида. Да и, по большому счету, где еще может скрываться симптоматика психических заболеваний, как не в глубинах психики индивида. Ну а если там оно зарождается, то вполне можно предположить, что избавление от тревог и кошмаров разума – точно также должно начинаться с погружения вглубь бессознательного, с целью – воздействия на это самое бессознательное. Да и вообще, внутренний мир индивида я вполне смело могу отождествить с бессознательным. Именно в нашем подсознании следует искать первопричины различного рода симптоматики. И это, конечно же, вполне оправданно. Если хотя бы исходить из предположения, что весь тот негатив, который доселе заключало в себя наше подсознание – теперь по каким-то причинам начинает вырываться наружу.

Естественно, наступает конфликт между сознанием и подсознанием. Психика в таком случае реагирует на данный конфликт образованием симптома. Далее, сознание начинает бороться с симптомом. В результате чего образуется невроз. Нарушение внутренней жизни индивида. Также,

впрочем, как и психоз. Но при психозе начинается конфликт между внутренним миром индивида и окружающим миром. То есть и в одном и в другом случае перед нами конфликт с участием внутреннего мира индивида. И уже потому как бы кажется и понятным предположение, что внутренний мир уже сам по себе предполагает и наличие какого-то рода психических отклонений. Точнее, существует определенная группа индивидов, которые почти всецело погружены в свой внутренний мир. А мир внешний – воспринимают как нечто вынужденное и неприятное. И терпят его только постольку, поскольку иначе как вроде бы и невозможно. Понимая, что всецелое погружение в мир внутренний – есть ни что иное, как отдать себя на откуп собственному бессознательному. Всецело, быть может, погрузиться в болезнь. Дать развиваться в себе симптоматику заболеваний. А это, конечно же, несет в себе поистине удручающие последствия для психики. Ну и для самого индивида разумеется тоже. И иного как будто бы и не дано.

Часть 5. Гармония

Глава 1. Уверенность

Можно сказать, что именно уверенность является некой решающей характеристикой во взаимоотношении индивида с внешним миром.

Как бы то ни было, от нее зависит и какая-то успешность индивида, и – беру на себя смелость заметить – даже его самочувствие (которое неким таинственным образом находится в определенном родстве и с решительностью – в решимости противопоставления жизненным невзгодам, и, собственно, в противопоставлении решимости – бытию; ну то бишь уже получается и самому существованию). И уже должно быть здесь мы должны может и остановиться, задержавшись несколько подробней. Ибо как раз от способности индивида к восприятию мира (ну или в более обобщенном понятии – к способности к существованию), зависит наличие (ну или отсутствие) у него решительности. Ибо решительность, конечно же, может присутствовать в каждом (это вполне возможно допустить). Другой вопрос – насколько мы можем наблюдать развитие ее. Так сказать – выраженность.

И уже здесь, заметим, скрывается вопрос появления неких трудностей на пути соотношения между собственно существованием (которое может заключаться в простом выживании и некой особой категории, которая нами быть озаглавлена как успешность).

И тогда уже почти не вызывает сомнений тот факт, что между успешностью и решительностью мы находим практически ярко выраженное синонимическое родство. И уже тогда,

даже не то, что одно будет являться неким дополнением другого (в каких-то отдельных случаях может быть и так), а именно они существуют как бы синхронно. И в таком случае одно – только дополняет другое. Ни больше, ни меньше.

Немного отойдя от попыток сочетания решительности еще с чем-либо, заметим, что данная категория, бесспорно, является достаточно самостоятельной. И наличие ее – возможно уже как бы «само по себе». Совсем независимо от присутствия в индивиде каких-то дополнительных характеристик того же, например, характера. (Как и, разумеется, выраженности поступков).

Другими словами, необходимо обратить внимание на то, что существование решительности в какой-то мере зависит от развития в индивиде многочисленных качеств (из которых исходит тот же характер), но... решительность достаточно самостоятельная категория. И будет вероятным предположить, что именно от наличия или отсутствия уже ее – зависит совершение индивидом тех или иных поступков. То есть в данном случае решительность – первична, а поступки, мысли и проч. – вторичны. И являются чем-то навроде производных решительности.

Ну и при этом, конечно, это столь редкое качество, что вполне интересно проследить последствия и наличия, и отсутствия ее. И в том и в другом случае, поведение (да и сама, следовательно, жизнь) индивида будет различаться. А психика остальных индивидов устроена таким образом, что при выказывании кем-нибудь решительности (то есть, получается, проецирования решительности на окружающих), эти самые окружающие уже архетипически готовы к подчинению.

Ни что так не влияет на психику (бесспорно, оказывая некое суггестивное воздействие), как решительные приказы. Большинство индивидов бессознательно готовы к подчинению. Чем четче и увереннее (решительнее) отдан приказ – тем быстрее появляется неосознанное желание к его выполнению. И при этом, разумеется, другой индивид не чувствует и тени смущения за свое «подчинение». Совсем нет. Наоборот – подобным выполнением приказа с него снимается тревожность (присутствующая у большинства индивидов, которые психологически – и давно уже – готовы к подчинению. Точно также, как и постоянно находятся в состоянии мучивших их внутренних конфликтов).

А в данном случае выполнение приказа – ничто иное, как бессознательный стимул подчиниться (особенно если это ничего индивиду не стоит). А значит – снять, избавить себя от различных обсессивных зависимостей. И приказ в данном случае имеет своего рода компульсивный невроз (или невроз навязчивых состояний). Который снимается беспрекословным исполнением чьей-то воли. (В какой-то мере, вероятно, следует еще говорить и о неких аспектах т.н. морального мазохизма). Да и вообще, если затронуть тему морального мазохизма (в отношении, конечно же, нашей темы), то мы можем заметить, что решительность в данном случае будет находиться в прямом противопоставлении категории. Схожие лишь в выражении отношения индивида – к

бытию. И не более. И тогда уже уверенность – есть, конечно же, уверенность в своих силах (так это вероятно следует понимать). Т.е. уже уверенность – в решительном противопоставлении себя – остальному миру. Своеобразный вызов обществу. И по всей видимости у нас есть все основания предполагать, что это является именно так. Уже хотя бы потому, что почти нет индивидов, у которых при внешне выраженном присутствии уверенности (уверенность и решимость в данном случае суть одного и того же), не присутствовало бы (почти точно так же, быть может, лишь не в столь выраженной степени желания подчиняться).

Тоже самое мы наблюдаем при проявлении садо-мазохизма. Индивид как бы с одной стороны изначально ориентирован на подчинение себе - другого (мазохиста). И в то же время этот же самый индивид более чем предрасположен к подчинению себя. Иной раз подсознательно желая, чтобы события обернулись унижениями уже для него. Да и кто как не тот, кто знает о подчинении (о возможности наступления сего факта) не будет жаждать – хотя бы на время – оказаться в роли жертвы. Испытать на себе чье-либо воздействие. Словно и не то что предполагая, что это окажет какое-либо благосклонное воздействие на него, а именно исходя из того, что это необходимо психике. Психической жизни индивида. Достижению гармонии в ней.

Глава 2. Мистика

Я могу обратить внимание, что к мистическому восприятию действительности склонна особая категория индивидов, как бы уже заранее и предрасположенных к различного рода невротическим проявлениям.

Вероятно, вследствие этого, вера в мистику – есть некая (и быть может особая) форма невроза. И невротические зависимости в данном случае имеют необычайно схожий характер с верой в различного рода несуществующие воплощения материального мира. Тогда как возможный эффект в данном случае достигается вследствие внушений. Т.е. имеют место суггестивные моменты.

Индивид, испытывая некие фобийные зависимости (продиктованные, например, повышенной нервозностью) ищет замещения реальности в неких формах кантовского созерцания, принимая априорность происходящего за самую что ни на есть реальность. Чем, разумеется, еще больше загоняет себя в угол. Тем самым вынуждая находить объяснения «чудесам» - у различного рода магов и чародеев. А по другому – ловких манипуляторов, интуитивно угадывавших состояние человеческой души. И уже вследствие этого воздействующих на подсознание с целью еще большего подчинения человека (достаточно легко подчинить человека, который уже верит).

Причем могу заметить, что уже вследствие веры – индивид находится в обстоятельствах, заранее предрасполагающих его к еще большему погружению в пучины бессознательного. Где сознание его совершенно бесправно. А значит психика индивида находится в постоянном суггестивном воздействии на него, в данном случае, манипулятора.

Мистика на самом деле имеет право на существование. И уже возможность присутствия ее вызвано в т.ч. и тем, что окружающий мир как бы изначально не может быть материальным и объясняться одним лишь сознанием. Существует нечто, что этому сознанию непосильно. Ну а если возможен этот факт, то вполне допустимо и право на существование мистического восприятия индивидом действительности. И какое бы развитие не получила наука, сверхъестественное и неопознано-необъяснимое будет существовать всегда. Ибо это вытекает из законов существования человеческой психики. И уже быть может потому, мы должны относиться к мистике со всей долей внимания, рассматривая любое проявление ее у индивида – как нечто как минимум достаточно любопытное. Что уже как бы само за себя говорит нам о том, что индивид этот имеет некоторые ограничения и предрасположенности к различного рода зависимостям, вытекающим – как мы упоминали о том вначале – к нервным расстройствам.

Ведь вполне можно предположить, что он как бы до конца и не отвечает за свои действия (что вполне разумеется, т.к. подсознание в данном случае превалирует над сознанием). И то, что с ним происходит, можно вообще рассматривать как некое бедствие! Катастрофу. Катастрофу души.

Глава 3. Равновесие

Говоря о равновесии (как отдельной категории бытия), мы должны обратить внимание на то, что к этому бессознательно стремится каждый индивид. Ведь в данном случае равновесие выступает в роли душевного спокойствия. А значит наличие его может позволить индивиду не реагировать на ряд болезненных обстоятельств для психики, наличие которых способно приводить к целому ряду расстройств психики.

И тогда уже равновесие – есть синоним не только душевного спокойствия, но и гармонии. А значит, в подсознательном стремлении к данному факту угадывается еще и попытка индивида не реагировать на целую цепь жизненных обстоятельств, в иных случаях приводящих к достаточно нежелательным (для его психики) последствиям. Как-то: мнительность, беспокойство, повышенная раздражительность, фобийные расстройства. Что в конечном итоге составляет симптоматику неврозов и психопатологических отклонений.

Равновесие, на мой взгляд, значительно шире, чем может показаться на первый взгляд. Вероятно, связано это с тем, что для любого индивида состояние внутренней гармонии (равновесие, как мы уже заметили, в данном случае выступает в роли некой синонимической связи) зачастую намного важнее, чем что бы то ни было. И если бы случайно наметившееся неравенство могло бы простирается в зоне перцептивных ощущений (что в большинстве случаев так и есть), то это бы и являлось лишним свидетельством того.

Я не могу сказать, что какое-либо равновесие имеет такое уж судьбоносное решение для индивида. Также как сложно что-либо утверждать в плане каких-то ограничений, вводимых психикой в ответ на кажущиеся (и заметное) неравенство.

Однако уже почти не вызывает сомнений тот факт, что зона интересов индивида простирается в желании унять слепую цепь фантазий разума, лежащую в плоскости того или иного понятия равновесия, которое сохраняется (должно сохраняться) на всем протяжении жизни индивида. И по каким-то позициям если и кажется незаслуженно не воспринимаемым психикой (в первую очередь сознанием), то это уже на самом деле упущение. И не больше. Причем уже это самое «упущение» индивид (сознание индивида) старается исправить. Вступая в некие ментальные соотношения с подсознанием. И не желая видимо довольствоваться реалиями окружающей действительности, заметно выходящими за рамки тестирования реальности.

Глава 4. Совершенство

Совершенство видимо из той же серии, что и предыдущая из рассматриваемых нами категорий бытия. Вообще же, уже здесь я хотел бы заметить, что как-то так выходит (что явно следует из общего закона мироздания), что одна категория находится (и в большинстве случаев обычно это так) в некоем взаимодействии с другими. Чаще всего дополняя их. А в иных случаях – и вступая в некое противоречие. Что наверное бывает все же достаточно редко. Во всяком случае реже, чем мы это могли бы предположить.

Мне, конечно же, не хотелось бы, чтобы в подобной категории кто-то нашел какую-то мистичность. Однако почти неопровержимым является факт, что та или иная степень совершенства зависит от восприятия ее индивидом. А значит мы вполне можем говорить о некоей зависимости психического состояния (и в первую очередь, конечно, рождение понятия совершенство), от внушаемости индивида. Справедливо предполагая, что чем более развита она в индивиде, тем больше он склонен критически (или наоборот – излишне позитивно) оценивать наличие (или

отсутствии) у себя совершенства. Что может свидетельствовать и о достаточно неадекватном характере подобного восприятия действительности. Даже можно сказать – ложном характере ее. Словно бы вынуждая воспринимать эту самую действительность – с позиции ряда совсем уж потусторонних факторов. Одним из самых негативных из которых является мнительность. (Ну да эту категорию мы уже рассматривали).

Конечно же нелишне заметить, что к совершенству (пусть и подсознательно) стремится каждый. По крайней мере каждый из социально значимой единицы общества. Только вот пройденный путь, разумеется, будет различным. И, наверное, чуть ли не напрямую зависит от внутренней ориентации индивида на некое (присущее у него) позитивное начало. Т.е. уже где-то рядом – и проекция внутренней жизни индивида – по отношению к жизни внешней.

Глава 5. Повиновение

В повиновении безусловно угадываются некие мазохистские нотки (мы говорим сейчас о т.н. моральном мазохизме). Причем, если уже говорить о каком-либо повиновении, то следует обратить внимание, что в большинстве случаев индивид уже как бы подсознательно готов к той или иной степени повиновения. А само повиновение видимо уже выступает в роли архетипического составляющего психики. Не только доставшееся нам от предков, но и с глубины веков переходящее от поколения к поколению.

Что есть повиновение? Да наверное тоже самое что и мазохистская зависимость. Т.е. подсознательное подчинение с целью снятия каких-либо по-особенному нежелательных (а отсюда и болезненных) симптомов для психики. В результате осуществления повиновения индивид как бы получает право на легализацию ряда фрустрирующих моментов. Тем самым как бы облегчая собственную душу. Потому что с нее спадает (говоря образно, или лучше сказать – метафизически) ряд ограничений, ранее сковывающих сознание индивида, вынуждая его к совершению ряда действий, которые больше проходили под знаком необходимости, нежели чем были реально продиктованы какой-либо необходимостью.

Мы также можем говорить, что повиновение не только исходит от (мазохистской) зависимости, но и вероятней всего имеет с ней одни корни. Вследствие чего не будет уже вызывать сомнений тот факт, что повиновение может нести в себе и ряд негативных аспектов. Ибо напрямую исходит из необходимости (вынужденной необходимости) к совершению ряда «обязательных» действий. Совершение которых для индивида и необязательно (не нужно) в сознательной жизни.

Но так же как и в возникновении морального мазохизма – на первый план выступает бессознательное.

Глава 6. Многомерность (полифоничность)

Многомерность или полифоничность – есть непреложный аспект гениальности. Ибо умение добиться равных успехов в различных областях – есть ничто иное, как талант. И безусловно, уже применимо к литературе (особенно литературе современного века, литературе постмодернизма) – многомерность изображения, многомерность показываемых образов есть свидетельство гениальности его создателя.

Но происходит это практически напрямую из самой жизни. Ибо только совсем несведущий человек может рассматривать мир в одной модальности. А на самом деле даже один и тот же предмет этого мира – в зависимости от плоскости рассмотрения – может быть различным.

И точно также и в живописи, и в кинематографе, и в уже упоминаемой нами литературе. Ничто не может (не способно) быть отражено только в одной реальности. Почти наверняка (и сразу же) примешиваются ряд факторов, которые воздействуют на наш взгляд, вынуждая вносить соответствующие коррективы. И допускать наличие различного (и чаще всего многочисленного) количества расслоений. Что позволит увидеть как будто бы один и тот же предмет – с разных сторон. Вынося (в том числе) и разные суждения о нем.

Глава 7. Решение

Необходимость принятия какого-либо решения зачастую ставит в тупик людей неподготовленных (морально). Имеющих недостаточно устойчивую психику. Людей, вынужденных реагировать на то или иное решение созданием ряда ограничений (выражающихся в т.ч. и в собственном восприятии действительности). И потому уже я не ошибусь, если предположу, что решение (говорим мы, конечно же, о необходимости принятия того или иного решения) есть суть нечто болезненное для психики. Которая способна привести к возникновению ряда – достаточно болезненной для индивида – психосимптоматики.

Хотя почти тоже самое может и наоборот – снять ряд зависимостей. Привести к какому-либо прогрессивному развитию личности индивида. Вырвать его даже – из контекста действительности. Способствовать раскрытию его резервных возможностей. Ну и прочее.

Глава 8. Выверенность

Выверенность – категория достаточно любопытная. И означает она ничто иное, как решимость индивида к тем или иным действиям. Ибо не всегда случается так, что человек готов допустить ряд поступков реальности в которой пребывает – для того чтобы приблизить себя к достижению какой-либо цели. Притом что сама цель уже может видеться им достаточно условно. И по иным показателям у индивида может даже исчезнуть желание достижения ее. И уже в этом случае мы можем говорить о т.н. выверенности. Ибо в этом случае (в случае возникновения подобной необходимости в подсознании индивида) ничто уже как будто и не ускользает от внимания индивида. А равно свидетельствует исключительно о его желании (пусть пока и бессознательном) к достижению цели.

Не всегда, конечно, выверенность заключается в желании достижения какой-либо цели. В иных случаях данная категория может иметь значение и в осуществлении целого ряда причин, механизмы возникновения которых достаточно спонтанны. И напрямую могут как будто ни от чего и не зависеть. Тогда как в другом случае – имеет место быть нечто достаточно неизведанное для индивида (для психики индивида). В результате которого он способен достичь определенных положений, рассматриваемых им лишь как форма приближения его к определенному полю модальности (опять же, - из следствия вытекающих причин, порой противоречащих друг другу).

Мы не можем говорить, что выверенность так-то уж присутствует в поступках (а равно поведенческих мотивах) каждого индивида.

Скорей всего это больше конечно свойственно людям достаточно решительным. И уже тогда – не всегда выверенность будет синонимична правильности. Ибо уверенное выполнение каких-либо действий еще не есть их правильное выполнение. Лишь исходя из предположения о бессознательном характере подобной категории (а то, что бессознательно – уже в какой-то мере правильно) мы можем говорить что выверенность как-то по особенному нужна индивиду. И оказывает на него позитивное воздействие.

Глава 9. Самооценка

Самооценка – последняя категория в общей принадлежности к категории именуемой гармонией. От самооценки зависит позиционирование индивида. Проекция его бессознательного на

окружающий мир. И наверное здесь стоит обратить внимание, что мы видим себя совсем не такими, как видят нас окружающие. А потому следует обратить внимание на необходимость повышения внутренней уверенности. Ибо зачастую именно от нее и зависит взгляд на нас со стороны. Причем, разумеется, нам самим ни в коем случае не следует смотреть на себя со стороны. В этом случае возможно возникновение совсем ложных положений, исходящих, например, из-за развития излишней самокритичности индивида. Вследствие чего мы легко можем зайти в тупик, пытаясь подстроиться к тому или иному мнению.

Притом что само это мнение может быть достаточно ложным. И привести к исключительно искаженному взгляду на жизнь. (Ну и на отношение самой жизни по отношению к индивиду, разумеется).

Ну мой взгляд вполне нормально, когда самооценка индивида несколько завышена. Это говорит исключительно об его уверенности в себе. А значит и о желании достижения поставленных целей.

Часть 6. Величие

Глава 1. Данность

Данность – есть принадлежность к тому или иному факту.

Исходит данность из предположения, что какое-либо событие уже состоялось. А значит имеет место начало (возникновение) какой-либо оценки – в отношении данного – свершившегося – факта.

Следует заметить, что в иных случаях возникновение данности может нести в себе целый ряд достаточно ошибочных факторов, продиктованных исключительно ложным восприятием окружающей действительности. И уже как будто ничто и не будет свидетельствовать о том, что данность так-то уж нужна индивиду. (Впрочем, трудно утверждать обратное). Но в отношении данности как категории бытия – факт непременный. И исходит он из уверенности индивида в достижении собственных целей. Из необходимости совершения подобных действий. И из желания решить ряд задач, основываясь на факте возникновения их.

Конечно, я вполне могу отдавать себе отчет, что, по сути, данность – из неких константных величин - способно превратиться в нечто абстрактное. И даже в иных случаях – это и так.

Хотя и больше я склонен предполагать, что данность – есть все же константная (постоянная) величина. А значит, говоря о ней – мы все же склонны понимать, что та или иная условность -

скорее располагается вокруг, нежели чем в самой подобной категории. А значит – и все иные характеристики подобной категории – все же нереальны.

Глава 2. Эпохальность

Наверняка данная категория как никакая другая означает некое судьбоносное состояние, возникающее в жизни того или иного индивида.

При этом я вполне мог бы предположить (с известной, разумеется, долей условности), что в возникновении самого факта эпохальности прослеживается некая упорядоченность возникновения; даже быть может цикличности.

Тогда как сама по себе эта категория, конечно же, таит в себе – несмотря на просматривающуюся масштабность и может уже в соответствии с ней – фундаментальность.

И тем не менее при желании пожалуй достаточно четко можно было бы уловить и кратковременность действия данной категории. Потому что совсем ничего не может быть вечным. Но тогда уже и в кратковременности самой эпохальности заложено нечто удивительное по сути своего возникновения. И именно временная ограниченность существования ее накладывает свой отпечаток на наше отношение к данной категории. Хоть и кажущейся временной категории, но на самом деле – категории вечной. И дело все, конечно же, в нашем отношении к ней. В том восприятии действительности, которая видится нам – стоит только более внимательно приглядеться к открывающимся перспективам. То есть уже должно быть стоит говорить о каком-то бессознательном восприятии действительности. Ибо уловить суть всех без исключения ниже и вышеизложенных категорий возможно исключительно если не ограничивать (не сковывать) свое сознание какими-либо рамками условностей и ограничений.

Глава 3. Соответствие

Соответствие также больше может быть замечено нами в положении некоего бессознательного, с участием (непосредственным участием) которого вполне могут происходить какие-то события, роль и место (возникновения) которых, впрочем, большей частью покрыто туманом.

Почему так? Ведь намного справедливее было бы заметить, что соответствие – есть единство приложения в одной точке каких-либо событий. И по всему это так быть может и есть.

Но все же такой взгляд на положение вещей – просто не может быть до конца справедливым. Ибо наверняка не выражает сути происходящих событий, большая часть которых закамouflирована под нечто неузнаваемое, нереальное, и быть может вообще неестественное. По крайней мере все складывается к тому, что именно так это и следует понимать. Ну а как иначе? Что такое соответствие? Само по себе это понятие не способно выступить в роли единого целого. Потребуется еще множество дополнительных структур, отвечающих в первую очередь за верное приложение энергии. То есть мы уже можем говорить и о том, что соответствие выступает в роли некоего дополнительного слова, которое способно (и должно) объяснить, упорядочить что-то, что будет известно. Если же нет, то оно (соответствие) уже как бы и оказывается бесполезно-ненужным, и не несет в себе той смысловой нагрузки, которую наверняка можно подозревать во всех других категориях.

Глава 4. Категоричность

В категоричности на первый взгляд есть и большая доля условности. Но так можно считать, лишь если исходить оттого, что категоричности как таковой не существует вовсе. И здесь видимо заключается некий парадокс. С одной стороны, понятие категоричности выражает нечто незыблемое и устойчивое. И даже устоявшееся; вполне свободно пересекающее какие-либо временные рамки. Категоричность есть нечто действительно устойчивое. И точно также как соответствие (предыдущая из рассматриваемых нами категорий), категоричность выступает в роли некой дополнительной характеристики какого-либо понятия. Например, категоричность мысли, суждений, каких-нибудь схем поведения. И точно также в категоричности заложена некая доля условности. Что наверняка если и есть, то в некоем априорном значении. То есть того, чего быть может и нет, и никогда не было. Т.е. категоричность уже не несет (в этом случае) в себе чего-то фундаментального. И быть может выражаема лишь для дополнительного обозначения других категорий бытия. И с этим правильно будет как минимум считаться.

Глава 5. Рвение

Рвение – достаточно интересная категория бытия. Характеризует собой она стремление к достижению какого-то результата. И больше, вероятно, положительного результата, нежели чем отрицательного. Вообще же положительность неким таинственным образом заложена уже в самом названии. И словно предусматривает, что индивид, выказывающий ту или иную степень рвения,

словно бы изначально прав. Прав, потому что не может быть не прав. Притом что может покажется достаточно любопытным – «не прав» он может быть точно также, как и прав. И это в какой-то мере правильно. Ибо наверняка подобное также вытекает из названия. Рвение по отношению к чему?- можно задавать вопрос. Притом что, конечно же, само по себе рвение уже похвально. Ибо выражает стремление индивида к достижению каких-либо результатов. При этом ошибочность или правильность подобного стремления на самом деле уже другой вопрос. Совсем другой. Который вполне можно и не рассматривать, если бы только сама жизнь не показывала, что иной раз рвение может быть губительным для окружающих. И в том числе губительным для самого индивида.

При всем притом, вполне можно заметить, что все это и столь верно, сколько и не верно. Ибо рвение, по сути, это столько же стремление к чему-либо, сколько и желание избежать какой-то доли ответственности. Ну а почему бы и нет? Разве можем мы с таким уж полным правом утверждать что это не допустимо? И что этого вообще не может быть? Нет. Не можем. Ну а тогда вот вам и ответ на вопрос.

Глава 6. Гибель

Раскрытие значения гибели уже само по себе предполагает некий парадокс. Ведь получается так, что гибель это настоящая трагедия. Мы лишаемся чего-то, зачастую некогда любимого нами.

Ну и уже тут же могу предположить, что с гибелью может связано и рождение настоящего чего-то нового. Нового и также необходимого.

При рассмотрении понятия гибели мне совсем не хочется находить чье-то стремление к гибели оправданным. Ну и опять же, я повторюсь, чья-либо гибель быть может и окажется необходимой. Ведь смерть – это начало. Смерть иной раз приоткрывает перед индивидом возможности, которые быть может раньше он считал недопустимым. Не допустимо привлекательным.

По сути, в полу-парадоксальности истинного суждения совсем нет как ничего странного, загадочного, так и сверхъестественного. Гибель сама по себе способна с одной стороны завораживать, подчиняя некоей даже своей предначертанностью, а с другой – и действительно возрождать к жизни. Особенно если предположить, что после (а то и одновременно) с гибелью чего-то – явно наступает и рост, начало, чего-то нового. Это факт. Это природа. Это историческая неизбежность. И с этим как минимум необходимо считаться.

Глава 7. Рождение

Факт рождения как бы исходит из наличия предыдущей категории бытия, и в то же время, конечно же, имеет собственную подоплеку причин и следствий; можно даже сказать, собственную подоплеку значимости.

Почти ничего не может быть загадочнее факта рождения.

Это поистине удивительная категория бытия, означающее собой рождение чего-то важного и ответственного.

И тогда уже с этих позиций – рождение есть надежда.

Не всегда, к сожалению, надежды наши становятся оправданны. Большинство индивидов влачат жалкое и ничтожное существование, и их деятельность совсем даже и не необходима других людям. Разве что смогут они натолкнуть иных людей, как бы случайно и самим фактом существования, на умные мысли, за что им будет только спасибо. А в основном люди эти только необходимы для численной массы земли, не принося своим существованием ей никакую пользу, и только лишь проживая жизнь, в надежде когда-нибудь умереть. Да и сама смерть таких людей останется незаметной.

Мне хотелось бы высказать надежду, что рождение еще может быть чем-то по-настоящему оправданным, но я к сожалению понимаю, что совсем не всегда это так. И большинство рождений индивидов совсем никому и не нужно. Разве что для существования других индивидов, которых обслуживают они. И почти не более того.

Глава 8. Значимость и знамение

Значимость и знамение, конечно же, отличаются друг от друга. Отдельный видимо вопрос, почему решили мы объединить их. Значимость в данном случае означает величие какого-либо отдельного индивида для других. Может быть значимость и в своих собственных глазах. Знамение в данном случае выступает как некая определенность (или если хотите – неопределенность). Как какой-то знак. Напоминание о чем-либо. И вполне возможно отсылает нас даже к чему-то древнему, быть может к началу зарождения религии, когда древние люди, исходя из действия сил природы и последующих стихийных бедствий пытались спрогнозировать какие-либо закономерности.

Уже тут можно было бы сообщить, что в иных случаях должно быть им или действительно удавалось нащупать какие-то закономерности, или же они просто верили тому, что говорили другие.

Как бы уже не было, значимость отдельного индивида, по всей видимости, и действительно оказывается важно для индивида. Ибо значимость это есть повышение внутренней самооценки индивида. Даже в своих собственных глазах повышение внутренней самооценки непременно важно, ибо позволяет индивиду выполнять многие поставленные цели и задачи. Добиваться чего-то быть может для массы неуверенных в себе собратьев и несущественного. А тут уже, получается, возможно становится многое, или может быть все.

В обратном случае, искусственное занижение значимости индивида в собственных глазах приведет к неким, порой и необратимым последствиям. Так уж выходит, что не все люди духовно сильны и уверены в себе. Человеку вообще по природе свойственна сладость и стремление к удовлетворению низменных инстинктов. Деструкция становится более предпочтительной, потому что не требует от индивида какой-либо нагрузки – противостояния пороку. И это по-настоящему ужасно, ибо только в преодолении позывов собственного бессознательного возможно достижение каких-либо целей и задач. Это уже как бы аксиома существования человека в современном мире. Если позволите, даже чуть ли не единственный способ достижения им каких-либо результатов.

Мы сейчас почти не говорим о почти обязательных в таких случаях умерщвлениях плоти (ограничениях плотских удовольствий). Хотя уже стоило бы заметить, что специфика существования бессознательного словно бы вынуждает всякий раз придумывать нечто большее и значительнее, чем обычное понимание индивидом действительности. Можно даже сказать, что сам индивид мало что понимает. Но почти наверняка он понимает силу табу и запретов. И поэтому уже получается, через эти самые запреты мы можем и говорить об обретении индивидом какой-либо значимости для самого себя, и значительности во взглядах других. Иного почти не дано.

Глава 9. Поэтичность

Можно сказать, что поэтичность поистине уникальное явление; чувство, наделенным которым становится отнюдь не каждый индивид. Поэтичность зачастую выходит из каких-либо рамок, кто по ошибке вроде как и стремится навязать. Нет, здесь видимо требуется проводить какой-либо ассоциативный ряд с поэтикой. С поэтикой величия, избранности. С тем, что совсем как будто бы и сразу способно выйти за рамки чего-то общепризнанного и по-настоящему стесненного. Хотя и, разумеется, совсем неуместно нам что-либо говорить о маргинальности. Поэтичность это действительно дар. Это некая возвышенная категория, которая не имеет (и не может иметь) каких-либо осязаемых границ. И которая зачастую (и в иные моменты) пребывает в сердце каждого. Даже

самый отъявленный мужлан при иных раскладах способен на некий одухотворенный порыв. Другой вопрос уже конечно чем все это может закончиться.

Глава 10. Эпохальность

Эпохальность последняя категория среди рассматриваемых нами в этом разделе, характеризует собой некое подытоживание понятия чего-то великого и значительного, частью которого она может, впрочем, как являться, так и не являться.

Говоря об эпохальности, мы должны говорить о том, что перед нами предстает некое величие самого момента; и оттого обстоятельства что мы говоря об этом, словно бы сами становимся участниками чего-то великого и значительного.

Эпохальность поистине подытоживающая величина. И несет в себе она зачастую несравненно больше, даже способен иной раз кто-то предположить.

Почему так?

Название такое...

Часть 7. Сверхшение

Глава 1. Регулярность

Регулярность - понятие по-своему и уникальное, и достаточно распространенное. И что точно, эта характеристика, если позволить себе некий каламбур, как бы характеризует себя. Ибо видна в этом некая особая настойчивость. Ведь регулярность это есть как раз именно настойчивость, то есть повторяющаяся в течении определенного времени периода некое обстоятельство. Проявляющееся, можно сказать, и действительно с некой настойчивостью. Регулярностью. Надежностью быть может даже.

Мы уже можем говорить, что, по сути, все категории взаимодополняемых, и словно бы переходят они друг в друга. Способны, впрочем, как дополнить, так и отделить одну категорию от другой. Когда уже как будто и кажется, что ничего нового не происходит. Но именно если говорить о регулярности, то регулярность это еще и стабильность, уверенность. Уверенность как в некоторых событиях прошлого, память которых дорога нам, так и уверенность в нашем будущем. В том несравненном, что все время рядом с нами. Где-нибудь поблизости возле нас. И что нам всегда поможет, окажет поддержку, в коей некоторые из индивидов и весьма нуждаются.

Глава 2. Неестественность

Мы уже можем говорить здесь о чем-то не нужном. Может даже скабресном. И запретном. То, что не может и не должно быть. То, что, к сожалению, возможно, но и то, отчего мы стараемся избавиться.

Что такое неестественность? В иных случаях может быть расценено нами как некий запрет. Нечто, чего быть может и действительно не должно быть. Но что, конечно же, есть. Иной раз оно, правда, словно бы и не замечаемо нами, но можно предположить, что неестественность это и то, что действительно не имеет права на существование. И в то же время, вопрос, конечно, значительно шире даже какой-либо намечаемой разгадки его. Просто из-за того, что неестественность своим названием словно обрекает на возможность какой-либо загадки.

Глава 3. Конгруэнтность (множественность)

Почти ничто на нашей планете невозможно рассмотреть в этой плоскости. Конгруэнтность позволяет увидеть нечто в масштабном объеме. Как бы уже в пространстве. Со всех сторон. И почти ничем не сковывать себя.

На первый взгляд это универсальное понятие кажется и действительно таковым. Особенно если учитывать открывающиеся возможности его. А уже если иметь в виду второе значение, множественность, то уже в этом случае нам можно говорить и о новых каких-то возможностях; и о расширении поиска уже имеющегося. Да и вообще, чуть ли не обо всем. Потому как включает в себя понятие многое. Или ничто. Загадка.

Глава 4. Полярность

Полярность предполагает наличие родственной характеристики где-то поблизости или рядом. И уже можно предположить, что само понятие полярности как будто и необходимо нам для обозначения этого. Но совсем ведь и не так все просто. А известный в физике факт, когда однополярные величины равноудалены друг от друга – еще более как будто и способен запутать нас. Ввести в заблуждение.

Да только и сама философия как будто не имеет четкого определения, да лишь массу невероятного, словно бы находящегося рядом, и при этом при определенных условиях равноудаляемого друг от друга.

И совсем ничто при этом не кажется загадкой. А необходимо понимать нам как факт. Факт, быть может, большей частью. И непризнанный, и необъяснимый, но наверняка имеющий место быть. Уж тут полярность.

Глава 5. Разум

Разум, по всей видимости, одна из самых основополагающих категорий бытия, характеризующая собой способность индивида мыслить, и наверняка отличающая собой способность индивида мыслить, и наверняка отличающая его как от других живых существ, населяющих планету, так и, собственно, отличающего одного индивида от другого.

Ситуация часто обстоит таким образом, что некоторые из гомосапиенсов характеризуются не совсем должным разумом. А будучи наделенными им в полной мере, часто являются совершением ряда поступков, некоторые из которых подпадают под юрисдикцию закона, или же носят в народе мнение о немотивированном совершении ряда поступков. Причем есть все основания предполагать, что часть из этих проступков становятся возможными таковыми как раз вследствие незначительной роли развития мыслительных способностей. Тут же следует упомянуть теорию Ломброзо, хотя и жизнь в некоторых случаях словно бы опровергает некоторые компоненты учения гениального психиатра-криминолога.

Нам бы также хотелось бы заметить, что в некоторых случаях разум вступает в некое противоречие с тем, что мы называем чувствование, или душа. Т.н. душа, конечно же, вполне имеет место быть. И, по сути, в иных случаях перед нами даже более чем явный конфликт, или же противостояния двух как бы уже и противоположных начал. Когда в одном случае вроде как и необходимо совершать то что выполнять надлежит. А в другом случае – интуитивное прочувствования ситуации уже словно бы и указывает на обратное. В результате чего перед нами зачастую явный конфликт. Хотя и следует допустить, что конфликта можно избежать, научившись лавировать между необходимостью жестких, оправданных решений, и...

Впрочем, опять же, ряд индивидов видимо вполне сознательно подобного конфликта стремятся избежать. Словно бы не подозревая, что и сам по себе конфликт необходим, так как способствует, как и страдания – росту личности. Закалки. Выработыванию рефлексов внутреннего противостояния трудностям и невзгодам.

Глава 6. Идеал

Суть того, что мы понимаем под словом идеал – поистине уникальна. Идеал означает нечто важное, подобное, если позволите, вершине, то, к чему можно стремиться, и практически невозможно достичь.

Идеал, идеальность, подобная характеристика бытия с легкостью распространяется на все сферы, в которых происходит как взаимодействие индивида с другим индивидом, так и взаимодействие кого-либо и чего-либо. Идеал это вершина. Вершина во всем. Наше стремление достигнуть идеала (стать, уже получается, идеальным) есть неким образом и нечто практически нереальное и недостижимое.

Можно даже сказать, что идеал – это то, что главным образом должно быть, нежели даже чем то, что, быть может, в реальности и существует.

Если остановиться на идеале, то здесь уже как бы не совсем идеальным будет большое количество слов. Наверняка ведь получается так, что об этой, так же как и большинство из других характеристик, у значительной части читателей уже есть свои какие-то сведения. Специфика существования данного текста как раз (как и фактически любого философского трактата) как раз и состоит в том, чтобы новые сведения лишь в какой-то мере направляли уже имеющиеся в бессознательном индивида (то, что находится в памяти, и то, что можно назвать филогенетическими механизмами коллективного бессознательного) информацию, сочетаясь с ней, на рождение новых мыслей. И чтобы уже все это способствовало дальнейшему (и еще большему) осмыслению происходящего (как будущего, так и настоящего, как и, должно быть, оценки прошлого).

Если мы говорим о слишком юном возрасте, то даже и там уже имеются у индивида какие-то сведения (знания) базирующиеся в его сознании и подсознании, и способные взаимодействуя с информацией новой – приводить и к росту мыслительной деятельности, и, собственно, к обретению новых знаний. Но если мы ведем речь об уже не очень (не совсем) молодом человеке, то безусловно подобных новых мыслей должно (наверняка будет) рождаться значительно больше. И ничто не должно происходить в ошибочном отрицании друг друга. Намного лучше как раз, это достижение общих результатов. Ну или, если говорить о теме работы, идеале.

Глава 7. Вершина

Неким таинственным образом данная категория как мы уже заметили, переплетается с предыдущей. Действительно, вершина и идеальность весьма схожие понятия. Различие между ними лишь в некоей приземленности второй. То есть вершина в данном случае это то, что более доступнее, более понятнее, более осознаннее. Идеальность, наверное, в таком случае будет менее достижима. Вершина – то, что с нами, и то, что перед нами.

В остальном в большинстве случаев к вершине вполне можно отнести все то, что мы употребили в характеристике предыдущих характеристик бытия.

Глава 8. Непоколебимость

Непоколебимость это настойчивая уверенность в собственных взглядах на окружающий мир.

В большинстве случаев непоколебимость это есть и незыблемость, например, тех же интересов. Отстаивание собственных убеждений. Стремление к достижению результата. Наверное – наличие уверенности в том, что этот результат непременно должен быть достигнут.

Можно сказать, что непоколебимость в какой-то мере это и излишняя и не совсем обоснованная твердость (в позиции твердолобости). Однако упоминание в данном контексте будет не совсем желательным в связи с тем, что непоколебимость все же не хотелось бы загонять в подобные рамки семантического значения данного слова. Характеристики. Ибо сама непоколебимость сама по себе будет уже значительно выше, иной раз, чем то, что мы обо всем этом думаем.

Глава 9. Момент

Момент это миг. Миг – нечто кратковременное. То, чего фактически может не произойти. А если и происходит – на что требуется незначительного времени для осознания сего факта.

Причем в какой-то мере момент имеет право на самоопределение. Хотя и оно, большей частью, достаточно призрачное, чтобы относиться к нему с какой-то претенциозностью, важностью, и частотой восприятия. При том что миг и момент по определению остаются чем-то достаточно кратковременным и изменчивым. Кратковременность их заключается во временном определении. А изменчивость – в результате зависимости от психики индивида, в данном момент времени являющегося инициатором рождения какого-либо момента, происходящего с его участием.

Глава 10. Суета

Суета, по сути, достаточно условна, и главным образом становится понятна в контексте относительности.

Также суета явно выражается своей зависимостью от психологических характеристик. Потому как в полной мере зависит от психического состояния индивида на какой-либо условный момент времени.

Суета возможна как минимум при нескольких показателях. В результате, как мы уже заметили, психической неуравновешенности индивида. Невроза, там, или каких иных отклонений. В результате специфики характера. Когда может и нет оснований причислять индивида к разряду людей больных или с пограничными состояниями, а возникающий с их участием хаос (хаос – одна из разновидностей суеты) может быть вызван как раз подобными характеристиками.

Немного остановившись на определении хаоса, и, главное, специфике зарождения его, следует, вероятно, говорить о том, что подобная характеристика бытия может быть выражена в совершении ряда поступков, внешне оцениваемых как не совсем адекватные реакции, совершаемые индивидом. И при этом, на самом деле, может ничего и не быть такого уж из ряда вон выходящего. Здесь же стоит говорить и об эйнштейновской теории относительности, с учетом которой та же самая суета или хаос могут совсем не быть таковыми, но – казаться. В зависимости от отправной точки взгляда на вещи.

Глава 11. Загадка

Загадка, по всей видимости, достаточно удивительное явление. Это своего рода показатель, на который влияет большое количество различных сил. В том числе, конечно, и наше отношение на порядок вещей.

Ну и прежде всего стоит говорить о том, что всегда при возникновении загадки, хочется нам найти ответ. Какой бы уже не был этот ответ, требуется нам найти его. Тем самым мы успокаиваем себя. Ведь специфика психики такова, что при возникновении чего-то загадочного, хочется нам в срочном порядке разрешить начинающуюся в нашем сознании волнение. Чтобы, уже получается, успокоить себя. Найти что-то, что поможет в последующем не допустить чего-то подобного.

То есть получается, перед нами возможно нахождение чего-то такого универсального, что способно в последующем разрешать с небывалой легкостью возникающие в нашей душе противоречия после возникновения какого-либо вопроса. А загадка, это по сути и есть вопрос. А любой вопрос как бы провоцирует индивида на поиск ответа. На поиск того, что в последующем

поможет избежать столь мучительных противоречий в душе каждого из нас. И в этом одновременно и величие и трагизм такой категории психики, как загадка.

Глава 12. Потребление

Столь на первый взгляд странная категория бытия вполне может и отсылать нас одновременно и к экономике, и к философии. Но ведь по большому счету, экономика и философия вполне могут найти соответствующие точки соприкосновения. И ровным счетом как пересекаться, так и отталкиваться друг от друга.

Потребление, конечно же, может быть различным. Говоря о потреблении, нам видимо следует отталкиваться от потребности. Потребности в ком-то и в чем-то. Потребности в любви, свойственном большинству адекватно мыслящих индивидов. Ибо безусловно, что любовь следует понимать в значительно широком аспекте, нежели чем тривиальная близость (духовная и физическая) между мужчиной и женщиной.

Глава 13. Экономичность

Иногда быть может и не стоит так-то уж экономить. Хотя и уже с другой стороны, экономность один из способов сохранить целостное единство души, сознания. Ибо нарушается гармония сознания тогда, когда начинает испытывать индивид какую-либо тревогу от экономичности, образуются те или иные финансовые (или духовные) проблемы.

Глава 14. Способность

Исходя из всего, способность весьма уникальная категория.

Можно предположить, что способность некая родственница (пусть и дальняя) таланта. И вероятно способность предполагает уверенное и планомерное достижение цели. Пусть, конечно, и не совсем уж быстрое. Но ведь в иных случаях важно чтобы цель была достигнута.

Часть 8. Чувство

Глава 1. Удивление

Удивление естественная суть всех вещей. Когда мы удивляемся, мы радуемся. Радуемся удаче разрешения удивления. И перед этим ничто не является судьбоносным, ибо само по себе и удивление и радость являются теми краеугольными камнями нашего бытия, с которыми мы намериваемся строить нашу дальнейшую жизнь. И это так. И это правда.

С другой стороны, удивление может выглядеть как нечто противоположное столь случайно найденной нами удаче, и тогда само по себе удивление уже не играет роли, ибо оно приводит нас к почти полнейшему бесчувствию. Странно, но это, к сожалению, именно так. И потому само по себе удивление так напоминает коварство. Но коварство это истинная категория бытия. И все же, конечно же, не совсем так, учитывая что само по себе удивление включает в себя достаточно больше, чем даже мы бы с вами могли предположить.

Удивление. Удивление – это одновременно и восторг, и радость, и даже – могу предположить – некая озабоченность фигурой бытия. И вы будете правы, если задумаетесь над всем величием подобного. Фигура бытия. Это вмещает в себя и восторг, и удивление. В контексте данной нам свыше категории бытия – мы можем говорить об удивлении. Да, по сути, мы и говорим о нем. Но вот выходит так, что удивление нас самих порой удивляет. Ибо, как нет ничего тайного, что не стало бы явным, так и нет ничего неведомого нам, чтобы таким уж незамысловатым образом и вмещало и надумало сделать что-либо пространственно загадочное. Нет, нет, и еще раз нет. Ибо удивление – это всего лишь категория бытия. И нас с вами должно решать – быть или не быть. Я считаю – быть. Дело за вами.

Глава 2. Неверие

Неверие очень странная, загадочная, и, по сути, забавная штука. Ну, вернее, категория бытия.

Неверие – это и неверие не только к другим, но и неверие в первую очередь себе. Хотя, конечно же, к себе неверие выглядит (или может выглядеть) более чем странным. Но это на самом деле не больше, чем иллюзия. Ибо неверие само по себе – уникальное и достаточно редкое понятие бытия. Ибо неверие – оберегает. Да, да, неверие – оберегает. Неверие заставляет задуматься над тем, что и как происходит в этом мире. Неверие, своего рода, талисман. Ибо оно – оберегает от зла и немыслимости этой жизни. Которая – ирреальна.

Неверие еще может быть и чем-то предосудительным. Но это ни в коем случае не принижает наших неких достоинств как анализатора бытия (категорий бытия), ибо на самом деле свидетельствует лишь о том, что на каком-то этапе анализа – нам необходимо понимать, что все существующее и имеющее отношение к нам – на само деле более чем фигурально выражено. К сожалению, но это так. А потому само по себе неверие... Неверие в данном случае – это тривиальная правда жизни. И не более.

Глава 3. Возможность

Возможность бывает разная. Возможность бывает такая, что уже как будто и не куда больше деваться. Ибо непременно кажется, что если вы воспримите все что вам предлагают – перед вами откроются границы бытия, и больше вам даже ничего не потребуется в этой жизни.

Это не так. Во-первых, потребности всегда существовали и будут существовать. Во-вторых, сама по себе возможность, по сути, ведь и не предусматривает ничего более того, чем есть на самом деле. Ибо уже так получается, что возможность как бы предусматривает наличие некой составляющей, благодаря которой все что возможно, все что было, даже все что будет – вот именно так и будет являться своего рода забавно-уникально-занимательным в контексте соответствующей категории бытия. И, собственно, словно бы и иного не дано.

Что еще можно сказать о возможности? Ведь иногда случается так, что возможность вроде как и существует, а вот желание уже нет. Время ушло. Время вообще имеет порой четко прогнозируемую структуру бытия. И если вам как бы еще кажется что все возможно – ан нет, время ушло.

Но переживать не надо. Все течет, все изменяется. И тогда уже самое важное, чтобы были. По сути, возможности. Ибо без этого как будто бы и не как...

Глава 4. Пространство

Пространство всегда неограниченно по времени собственного восприятия бытия.

Пространство имеет четко выраженные границы, и почти такое же четкое понимание конца существования, а равно – предначертанность к новым, действительно новым, свершениям. И это, по сути, очень важно. Ибо, что такое пространство? Особенно в категории его безграничности.

Насколько это самое пространство способно влиять, оказывать влияние на нас с вами? Наверное вопрос уже парадоксален по сути своей. Ибо если мы и можем еще хоть как-то разграничивать

существующее, то вполне разумно предположить, что пространство – есть нечто, что нам дано свыше. Что позволяет не сковывать себя какими бы то ни было рамками, обязательствами, правилами, ибо пространство – 0 есть безграничность; пространство – суть вечности, помноженной на бесконечность бытия. И потому пространство – как категория бытия – играет весьма важное значение в потоке мироздания. Ибо живет оно зачастую по лишь только одному ему ведомым законам, но это и нисколько не плохо. А то и даже хорошо.

Глава 5. Время

Время – вполне разумная категория бытия.

Время – это то нечто, что так или иначе вводит нас всех в рамки пространственного ориентирования, ибо только время имеет четко очерченные границы и начала и конца. Ну и кроме того – время всегда заставляет к себе как минимум прислушиваться, и по сути – обратить на себя внимание. Вынуждая то подстраиваться к нему, то располагать жизнью по собственному усмотрению. Что тоже не всегда есть хорошо, ибо время – это прежде всего порядок. А порядок он и важен и нужен и существует независимо от нашего желания или не желания. Ибо это то нечто, что выживет и без нас.

Глава 6. Корреляция

Корреляция в какой-то мере уникальная категория, значащая в данном контексте некую общую подстройку и единение с уже имеющимися категориями. Другими категориями, которые незримо довлеют друг над другом, смешиваясь, порой, в столь немислимых композициях, что им действительно, рано или поздно, требуется усилия к серьезному единению между собой. Но это может быть понятно только в будущем, ибо в нашем настоящем вполне разумно предположить, что корреляция и не так распространена. Хотя в какой-то мере и это ведь понятно. Ну а почему нет.

Глава 7. Индивидуальность

Индивидуальность есть поистине редкая особенность, присущая в основном психике нестандартных людей. С индивидуальностью можно жить, но порой это невероятно сложно, ибо так или иначе общество незримо выталкивает индивидуалистов за пределы бытия, ибо общество

есть в первую очередь масса, а масса это единение, общее единение между собой быть может даже и в чем-то разнородных людей, но эта их разнородность ни в коем случае не мешает им объединиться вместе, ибо по целому ряду основных признаков пропагандируемые, а равно как и мысли, которых они придерживаются, имеют столь схожее бессознательное звучание, что это все позволяет таким людям объединяться вместе. Являя собой массы единомышленников, практически одинаково успешно адаптирующихся в общем жизненном пространстве.

Иное дело индивидуалисты. Тут если и наблюдается что-то нечто похожее, то при ближайшем рассмотрении понимаешь что это не так. А значит весьма рано, да и фактически невозможно, говорить о каком-то единении их с массами, да это и невозможно. Индивидуалисты или являют собой ярко выраженный пример маргинальной направленности, или же эти люди способны массу подчинить. И иного не дано.

Глава 8. Противопоставление

Категория бытия, включающая в себя некую разнородность, вызывающая в иных случаях даже гнев и печаль, а в иных – и благодарение, почитание, покой.

В противопоставлении – суть вещей земных. Все всегда познается в сравнении и в относительности одно к другому. Понимать это надо, и принимать. Как должное принимать. Ибо ничего на самом деле не в силах сделать человек. Слаб он по натуре своей. Однако слаб, опять же, в сравнении с теми сильными мира сего, которые и не в миру находятся, а пребывают на небесах и на земле одновременно.

Глава 9. Естественность

Все что естественно – то истинно. Все что вычурно – разрушается само собой, само по себе.

Естественность – это простота. Одним предложением я хотел бы написать целую книгу, говорил когда-то Ницше. Простым слогом написана книга книг, но уже несколько тысячелетий ученые-богословы всего мира пытаются разгадать и постичь тайну ее, но до конца никому не возможно, ибо сия есть вечность. То что разгадывается – через время забывается. Люди ищут новые тайны, ибо так устроен пытливый ум избранных. Кому дана благодать духа святого, одна из благодатей. Но ведь и правда на первый взгляд просто написано, но это не простота – а естественность. И всякий открывающий эту книгу находит нечто для себя. Оставляя другим те же

самые строки понимать по-своему. И нет в этом ни плохого, ни хорошего, ибо это истина. А истина это то, что незыблемо, то, что вечно.

Глава 10. Решимость

Решимость необходима всегда и везде. Однако тут надо бы дать некое уточнение, ибо хороша решимость не для всех. Т.к. в иных случаях, она может нести в себе последствия. И человек решительный – должен быть к этому готов. И дать если надо отпор обстоятельствам. Потому как только на первый взгляд кажется, что все в мире спокойно. Но это как болото. Растормоши его, и вылезут на свет кикиморы болотные. Так и в жизни, все спокойно только когда вы ни с кем не пересекаетесь. Но стоит начать отстаивать свои права в поисках справедливости – как тотчас же злые бесы будут готовиться напасть на вас. Но не бойтесь. Если дело правое – проявляйте решимость, ибо тогда с вами Бог, а ему все под силу. Человеку не под силу, дьяволу не под силу, а Богу все под силу.

Но вот если вы не способны вступать в долговременную борьбу, тогда лучше для вас решимость не проявлять. Ибо она может нести в себе весьма печальные последствия. Взвесьте свои силы. И если готовы – проявляйте решимость. Ибо только решительным поддается жизнь. И становится в этой жизни легче жить по даруемым свыше благам.

Глава 11. Визуальность

Визуальность – необходима всегда и везде. Да, как в предыдущей категории можно сразу броситься в бой, а можно и осмотреться прежде. Мало ли какие обстоятельства вокруг. Вот для этого и нужна визуальность.

Глава 12. Коварство

Коварство к сожалению присуще жителям планеты под названием Земля. Коварство – такая же часть психики человека, как все остальные черты, присущие ему. И к сожалению. Это так. Не у всех конечно есть коварство. Избранные люди, люди, которых поцеловал при рождении Бог, живут спокойной и честной жизнью, и пресекают позывы собственного коварства на корню, не давая им проявиться. Ибо коварство это грех. Оставайтесь всегда честными и открытыми. И Господь защитит вас от людского коварства в отношении вас. А значит жизнь ваша будет счастливой.

Сергей Зелинский

2006 год.

© С.А.Зелинский. Категории бытия.